

Педро Кальдерон Де Ла Барка. Поклонение кресту

Перевод Константина Бальмонта

Pedro Calderon de la Barca. Dramas

Педро Кальдерон де ла Барка. Драмы. В двух книгах.

Книга первая

Издание подготовили Н. И. Балашов, Д. Г. Макогоненко
"Литературные памятники", М., "Наука", 1989

OCR Бычков М.Н.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эусебио

Курсио, старик

Лисардо

Октавио

Альберто, священник

Селио |

} бандиты

Рикардо |

Чилиндрина

Хиль, крестьянин, шут

Брас |

} крестьяне

Тирсо |

Торибио

Юлия, дама

Арминда, служанка

Менга, крестьянка, шутиха

Бандиты, Крестьяне

Солдаты

Действие в Сиене и ее окрестностях.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

Лес близ дороги, ведущей к Сиене.

СЦЕНА 1-я
Менга, Хиль.

Менга (за сценой)

Куда ж ослица провалилась?

Хиль (за сценой)

А, дьявол! А, брыкливый бес!

Менга

Куда ж она теперь залезла?

Хиль

Чтоб черт за ней туда залез!
Хоть бы за хвост кто ухватился,
У тысячи людей хвосты.
(Выходят на сцену.)

Менга

Ну, Хиль, ты славно постарался!

Хиль

Ну, Менга, постаралась ты!
Должно быть, как верхом сидела,
Ты ей шепнула пару слов,
Чтоб на смех мне она взбесилась
И поскорей свалилась в ров.

Менга

Наверно ты сказал ей это,

Чтоб я свалилась вместе с ней.

Хиль

Как нам тащить ее оттуда?

Менга

Что ж, в яме оставаться ей?

Хиль

Один я справиться не в силах.

Менга

Я пвтащу ее за хвост,
Ты за уши.

Хиль

Есть лучше способ,
Он и надежен, да и прост.
Карета раз в грязи застряла;
Ее, среди других карет,
Две клячи тощие влачили;
Других, глядишь, простыл и след,
А эта тащится, как будто
Над ней проклятие отцов;
Все с боку на бок, с боку на бок,
И вдруг (закон судьбы таков!)
В грязи засела; кучер хлещет,
И молит, и кричит седок,
Но ни угрозами, ни лаской
Никто несчастью не помог;
Карета тут как тут, ни с места,
Не стронет лошадей ничто;
Но догадались перед ними
С овсом поставить решето;
Едва завидели поживу,
Ну клячи рваться, что есть сил,
Приналегли - и потянули.
Я б то же сделать предложил.

Менга

Уж эти мне твои рассказы,

Не пожелаю я врагу {1}.

Хиль

Где много сытых есть животных,
Голодных видеть не могу.

Менга

Пойду-ка, посмотрю с дороги.
Нейдет ли из деревни кто,
К тебе пришли бы на подмогу,
Ты сам не годен ни на что.

Хиль

Опять за старое ты, Менга?

Менга

Ослица бедная моя!
(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Хиль

Ослица, счастье, блаженство!
Из всех ослиц, что видел я,
Ты первая во всей деревне;
Никто тебя не замечал
Ни в чем дурном, и меж гулящих,
Меж потаскушек не встречал.
Нет, ты не радовалась вовсе
Из своего идти хлева;
Взглянуть, и ясно было видно:
Не тем набита голова.
А эта девственность? А честность?
Клянусь, что ни один осел
Ее не видел у окошка.
Чуть кто пришел к ней - прочь

пошел.

И ни о ком не молвит худа;
Чтоб сплетничать - да никогда;
Из удовольствия злословить
Заместо нет не скажет да.

А что до щедрости, так если
Что в брюхо у нее нейдет,
Она какой-нибудь ослице
Голодной тотчас отдает.

(За сценой слышится шум.)

Но что за шум? Два человека
С своих коней сошли на землю,
И привязали их к деревьям,
И направляются сюда.
В их бледных лицах ни кровинки,
И спозаранок вышли в поле;
Они едят, должно быть, землю
Или их мучает запор.
Иль это может быть бандиты?
Конечно! Ну, на всякий случай,
Я спрячусь здесь: они подходят,
Они спешат, бегут, пришли.

(Прячется.)

СЦЕНА 3-я

Эусебио, Лисардо. - Хиль, спрятавшийся.

Лисардо

Мы можем тут остановиться,
Мы здесь со всех сторон закрыты,
И нас с дороги не увидят.
Вынь шпагу, Эусебио:
Так на барьер всегда я ставлю
Людей, как ты.

Эусебио

Хотя довольно
Для поединка - быть на месте,
Но все же я хотел бы знать
Причину твоего волнения.
Скажи, Лисардо, основанье
Такого гнева.

Лисардо

Оснований

Так много, что молчит язык,
И нет в рассудке рассуждений,
И нет терпенья у терпенья.

О них я умолчать хотел бы,
Хотел бы даже позабыть;
При повторении наносят
Они мне снова оскорбленье.
Скажи: ты знаешь эти письма?

Эусебио

Брось наземь, я их подниму.

Лисардо

Бери. Чего же ты смутился?
Чего ж ты медлишь?

Эусебио

О, проклятье,
Тысячекратное проклятье
Тому, кто может доверять
Листку бумаги тайны сердца!
Он камень, брошенный рукою,
Мы знаем, кто его направил,
Не знаем, где он упадет.

Лисардо

Теперь узнал?

Эусебио

Не отрицаю,
Мой почерк.

Лисардо

Ну, так я - Лисардо,
Живу в Сиене, и отец мой -
Лисардо Курсио. Он был
Так расточителен ненужно,
Что в краткий срок всего лишился,
Чем обладал он по наследству.
Как заблужденье велико
Того, кто тратами большими
Своей семье готовит бедность!
Но если даже благородство
И впрямь оскорблено нуждой,

Оно не может быть свободно
От обязательств прирожденных.
А Юлия (о, знает небо,
Как больно мне ее назвать!)
Иль соблюсти их не умела,
Иль не могла уразуметь их.
Но первое или второе,
Она сестра мне. Если б Бог
Ей не дал быть моей сестрою!
И должен ты себе заметить,
Что женщинам ее достоинств
Нельзя записок посылать,
Нельзя в любви им объясняться,
Нельзя им подносить подарки,
Ни засылать к ним подлых сводниц.
Я не виню тебя во всем.
Я признаюсь, что, если б дама
Дала мне только позволение,
Я то же самое бы сделал.
Но ты забыл, что ты мой друг,
И в том вина твоя двойная
С виною, совершенной ею.
Когда ты пожелал увидеть
Мою сестру своей женой,
(Иначе я не представляю,
Не допускаю даже мысли,
Чтоб ты к иной стремился цели,
И эту не могу принять;
Свидетель Бог! Скорей, чем видеть
Ее обвенчанной с тобою,
Ее хотел бы я увидеть
Убитою моей рукой.)
Когда ее ты выбрал в жены,
Ты моему отцу был должен
Сперва открыть свое желанье,
Не ей. Таков был честный путь.
Тогда отец мой увидал бы,
Ответить ли тебе согласьем,
Иль отослать тебя с отказом,
И я в последнем убежден:
Раз качество и состоянье
В таких вещах поставить вровень
Лишен возможности – кто беден
И благороден, он тогда,
Чтоб кровь свою не обесцветить,
Коли имеет дочь – девицу,
Ее отдаст – никак не замуж,

А в сокровенный монастырь.
Быть неимущим - преступление.
И доброй волей, иль неволей,
Но Юлия, сестра, немедля
Поступит завтра в монастырь.
И так как было б недостойно,
Чтоб инокиня сохраняла
Воспоминания безумной
Непозволительной любви,
Тебе их в руки возвращаю,
С таким решеньем безоглядным,
Что их не только отниму я,
Но устраню причину их.
Итак на место и за шпагу,
Один из двух пусти умирает:
Пусть ты не будешь больше с нею,
Иль я тебя не вижу с ней.

Эусебио

Останови, Лисардо, шпагу,
И так как я спокойно слушал
Твои презрительные речи,
И ты послушай мой ответ.
И пусть рассказ мой будет длинен,
Твое терпение - чрезмерным,
В виду того, что здесь мы оба
С тобой сошлись лицом к лицу, -
Но раз должны с тобой мы биться,
И раз один умрет наверно,
На случай, если небо хочет,
Чтоб я теперь несчастным был,
Услышь о дивном, чтоб смутиться,
О чудесах, чтоб восхититься,
Да не войдут с моею смертью
В молчанье вечное они.
Кто был отец мой, я не знаю:
Лишь знаю, первой колыбелью
Подножие Креста мне было,
А камень - первая постель.
Мое рождение было странным,
Как пастухи передавали,
На склоне этих гор высоких
Они меня в глуши нашли.
Три дня в горах им было слышно,
Как плакал я, но не решались
Они проникнуть в глушь, из страха

Перед свирепыми зверьми,
Хоть ни один меня не тронул,
И кто же может усомниться:
Из преклоненья пред моею
Защитою - перед Крестом.
Меня нашел пастух, искавший
Овцу заблудшую в ущельях,
И он принес меня немедля
В деревню Эусебио,
А он там был не без причины.
Пастух сказал ему о чуде,
И милосердие подкрепилось
Благоволением небес.
В свой дом меня велел нести он,
В нем принял, как родного сына,
Там я возрос и воспитался,
Я - Эусебио Креста.
Так от него я называюсь,
И от моей первоначальной
Защиты, бывшей мне первичным
Руководителем моим.
По вкусу - выбрал я оружие,
Для развлечения - науку;
Приемный мой отец скончался,
И я его наследник был.
Мое рождение было дивным,
Моя звезда не меньше чудной,
Она врагинею грозит мне
И с милосердием хранит.
Мой дикий нрав, во всем жестокий,
Еще тогда определился,
Когда беспомощным ребенком
Я был у няни на руках;
Своими деснами одними,
Но не без дьявольской подмоги,
До поранения прорезал
Я грудь кормилицы моей;
Она, от боли обезумев
И лютым гневом ослепившись,
Меня швырнула в глубь колодца.
И обо мне никто не знал.
Услышав смех мой, опустились
В колодец, и меня нашли там:
К губам ручки прижимая,
Из них образовавши Крест {2},
Я на воде лежал. Однажды,
Когда пожар случился в доме,

{3}.

И пламя прекращало выход,
И двери были под замком,
Ко мне огни не прикоснулись,
Я в пламени стоял свободный,
И, сомневаясь, убедился:
Тот день был праздником Креста

Пятнадцать лет едва мне было,
Я в Рим отправился по морю,
И буря в море разыгралась,
И злополучный мой корабль
Разбила о подводный камень;
Разорванный и раздробленный,
Он затонул, а я счастливо,
Руками доску охватив,
Из моря выбрался на сушу,
И та доска имела форму
Креста. Среди утесов этих
С попутчиком я как-то шел,
И на распутьи, где дорога
Делилась надвое пред нами,
Виднелся Крест. Я стал молиться,
А он тем временем ушел.
Я побежал за ним вдогонку,
И вижу, он лежит убитый,
В борьбе с бандитами. Однажды
Я шпагою ударен был
Во время ссоры, в поединке,
И, не имея сил ответить,
Упал на землю; все, кто были
При этом, думали, что я
Сражен неизлечимой раной,
А при осмотре оказалось,
Что только знак от острой шпаги
Отпечатлелся на Кресте,
Который я носил на шее,
И он удар свирепый принял.
Я раз охотился в ущельях
Неисследимых этих гор,
Вдруг небо тучами покрылось,
И, возвестив раскатным громом
Земле войну, оно метало
Как будто копья из воды,
Как будто сонмы пуль из града.
Ища от черных туч защиты,
Все притаились под листвою.
И эта глушь для нас была

Как бы походною палаткой,
Вдруг молния, летя по ветру,
Как мрачно-дымная комета,
Из тех, что были близь меня,
Двоих сожгла своим ударом.
В смятении, почти ослепши,
Смотрю кругом, и что же вижу,
Как раз за мною Крест стоял,
И полагаю, тот же самый,
Что при моем стоял рожденьи,
Тот самый Крест, чей отпечаток
Ношу я вечно на груди;
Меня отметило им небо,
Дабы означить всенародно
Последствия какой-то тайны.
И хоть не знаю я, кто я,
Таким я духом побуждаем,
Таким влечением волнуем,
Такой решимостью охвачен,
Что мужество мне говорит:
"О, да, ты Юлии достигнешь!"
Наследственное благородство
Над тем возвыситься не может,
Которое я сам снискал.
Таков-то я, и если ясно
Я сознаю причину спора,
И если я могу с избытком
Твою обиду возместить,
Твоей презрительною речью
Я в тоже время так разгневан,
Так ослеплен, что не желаю
Себя оправдывать ни в чем,
Не принимаю обвинений,
И раз ты хочешь помешать мне,
Чтоб я не мог на ней жениться,
Так если б заперли ее
В отцовском доме, или даже
За монастырскою оградой, -
Храни ее, как только хочешь,
А от меня ей не уйти;
И та, что не годилась в жены,
В любовницы мне пригодится:
Так оскорбленное терпенье,
Так исступленная любовь
Отмстит презренье и обиду.

Лисардо

сталью.

Пусть, Эусебио, умолкнет
Словесный спор, где речь за

(Обнажают шпаги и бьются:
Лисардо падает наземь,
старается подняться и снова падает.)
Я ранен!

Эусебио

Да? И не убит?

Лисардо

Нет, у меня в руках довольно
Еще есть силы, чтоб... О, горе!
Из-под ноги земля уходит.

Эусебио

И пусть дыхание уйдет.

Лисардо

Да не умру без покаянья.

Эусебио

Умри, несчастный!

Лисардо

Стой. Во имя
Креста, принявшего страданья
Христа, не убивай меня.

Эусебио

Да защитит тебя от смерти
Такой призыв. Приподнимись же;
Когда Крестом ты заклинаешь,
Нет силы у меня в руках,
И нет в спокойном сердце гнева.
Привстань.

Лисардо

Я не могу. Поспешно
Уходит жизнь с горячей кровью.
И вот уж чувствую, душа
Не знает, где ей лучше выйти,
Поняв, что выходов так много.

Эусебио

Тогда моим рукам доверься.
Ободришь. В нескольких шагах
Отсюда малая есть пустынь
Монахов кающихся; если
Живым туда придти успеешь,
Там исповедаешь грехи.

Лисардо

Итак, тебе я обещаю,
За то, что был ты милосерден,
О, если только удостоюсь
Пред ликом Господа предстать,
Я попрошу, чтоб ты не умер
Без покаянья.
(Эусебио уносит его на руках.)

Хиль

Превосходно!
Примерное благотворенье:
Убил и тащит на плечах.

СЦЕНА 4-я

Брас, Тирсо, Менга, Торибио. - Хиль.

Торибио

Он здесь остался, говоришь ты?

Менга

Вот здесь как раз остался с нею.

Тирсо

Вот он, сам не в себе, глядите.

Менга

На что ты так уперся, Хиль?

Хиль

Ай, Менга!

Тирсо

Что с тобой случилось?

Хиль

Ай, Тирсо!

Торибио

Что ты увидал здесь?

Хиль

Ай, ай, Торибио.

Брас

Скажи нам,
Что приключилось с тобой?

Хиль

знаю,

Ай, Брас, ай, ай, друзья, не

Не больше знаю, чем скотина!
Убил его, взвалил на плечи,
Должно, солить его пошел.

Менга

Да кто убил?

Хиль

А что я знаю?

Тирсо

Кто умер?

Хиль

Как же мог узнать я?

Торибио

А кто взвалил?

Хиль

Мне не известно.

Брас

А кто ж пошел?

Хиль

Все тот же он.
Но ежели узнать хотите,
Идемте все.

Тирсо

Куда ведешь нас?

Хиль

И сам не знаю я. Пойдемте,
Они отправились туда.
(Уходят.)

СЦЕНА 5-я

Зала в доме Курсио, в Сиене.
Юлия, Арманда.

Юлия

Я об утраченной свободе,
Арминда, горевать хочу,
И если я умру от горя,
Я в гроб и горе заключу.
Тебе, видать, не приходилось,

Как упоительный ручей,
Русло родное покидая,
Бежит дорогою своей,
И пробегает по долине,
И чуть подумают цветы,
Что он иссяк и обессилел,
Он вдруг нахлынет с высоты
И захлестнет их светлой влагой?
Тоска, дрожавшая в груди,
Мне тот же опыт показала,
И вновь покажет впереди:
Едва она сокрылась в сердце,
Как показалась в тот же час,
И думы, бывшие печалью,
Слезами хлынули из глаз.
Отцовский гнев мне дай оплакать.

Арминда

Заметь, сеньора...

Юлия

Есть ли рок
Желанней - смерти от печали?
Кто умереть от скорби мог,
Тот понял высшее блаженство;
И скорбь не слишком велика,
Коль вместе с жизнью не

порвалась.

Арминда

Но в чем, скажи, твоя тоска?

Юлия

Лисардо, милая Арминда, -
Виной меня постигших зол:
От Эусебио все письма
Он у меня в столе нашел.

Арминда

Он знал, что там они лежали?

Юлия

И нет и в то же время да:
Мое несчастье решила
Моя жестокая звезда.
Он был такой угрюмый, хмурый,
Наверно он подозревал, -
Так я решила, - и не знала,
Что он-то достоверно знал.
Внезапно он приходит бледный
И умоляет, как сестру:
"Я, - говорит он, - проигрался
И продолжать хочу игру.
Дай что-нибудь из украшений,
Тебе я долг свой заплачу".
Я вынимаю ключ и ящик
Скорее отпереть хочу,
Но он, нетерпеливо-гневный,
Сам ключ хватает, отпер стол,
И тут же, в первом отделении,
Все письма тайные нашел.
Взглянул и запер. И ни слова
(О, Боже!) не промолвил мне,
Пошел к отцу, и заперся с ним,
Я здесь сижу, как в западне,
О чем-то долго говорили,
Я казни жду, дрожу, горю,
И вышли, наконец, и оба
Направились к монастырю.
Так мне Октавио поведал.
И если только мой отец
Свое решение исполнил,
Всем чаяньям моим конец.
Раз к Эусебио он хочет
Так умертвить любовь мою,
Монахиней я не буду
И лучше я себя убью.

СЦЕНА 6-я

Эусебио. - Те же.

Эусебио (в сторону)

(Еще никто так дерзновенно,
Или в отчаяньи таком,
Не приходил искать спасенья
К обиженному прямо в дом.

О, лишь бы только весть о смерти
Лисардо раньше не дошла
До Юлии, и лишь бы только
Она со мною прочь ушла,
Любви покорствуя послушно, -
Исход из бед моих найден.
Когда ж она узнает после,
Что мной Лисардо умерщвлен,
Себя в моей увидя власти,
Из неизбежности она
Сумеет сделать наслажденье.)
Как ты пленительно-нежна,
О, Юлия!

Юлия

Как? Что такое?
Ты в этом доме?

Эусебио

Строгий рок,
Любовь к тебе мне приказала
Чрез этот преступить порог.

Юлия

Но как ты на такую крайность
Дерзнул?

Эусебио

Я смерти не боюсь.

Юлия

Чего же хочешь ты достигнуть?

Эусебио

Лишь на одно теперь я льщусь:
Я обязать тебя хотел бы,
Чтобы любовь моя была,
О, Юлия, твоей любовью
Вдвойне полна, вдвойне светла.
Моей любовью, как узнал я,
Так недоволен твой отец,

Что нашим чайньям решился
Он быстрый положить конец.
И он желает, чтобы завтра
Навек ты обратилась в то,
Что превратит мою надежду
И счастье мое в ничто.
Коль то, что было, счастьем было,
И счастья ты хочешь вновь,
О, если ты любила вправду,
И глубока твоя любовь,
Иди со мной; ты видишь ясно,
Отцу противиться нельзя;
Оставь свой дом, и пред тобою
Возникнет новая стезя:
Мы все устроим; раз ты будешь
В моих руках, не может он
Не быть обласкан тем, что -

нужно,

Обязан тем - чем оскорблен.
Есть у меня именья, виллы,
Чтобы тебе в них мирно быть,
Есть люди, чтобы встать в защиту,
И есть душа, чтобы любить.
Когда ты любишь не обманно,
И жизнь мне хочешь дать мою,
Дерзни, - а если нет, от горя
Я пред тобой себя убью.

Юлия

Но, Эусебио...

Арминда

Сеньора,
Мой господин идет сюда.

Юлия

О, горе мне!

Эусебио

Была ли строже
К кому-нибудь его звезда?

Юлия

Он может выйти?

Арминда

Невозможно;
Сеньор у самой двери ждет.

Юлия

Беда!

Эусебио

Несчастье! Что мне делать?

Юлия

Побудь - вон там.

Арминда

Скорей! Идет!
(Эусебио прячется в другой комнате.)

СЦЕНА 7-я

Курсио. - Юлия, Арминда; Эусебио,
спрятавшийся.

Курсио

О, дочь моя, твое блаженство
Отныне верно навсегда,
И если в радости мне душу
Ты не пожертвуешь, тогда
Мое вниманье ты не ценишь.
Тебя заботливо любя,
Я все устроил и уладил,
И только ждем мы от тебя,
Чтоб нарядившись, как на

праздник, -

О, заповедная мечта! -
Во всей красе своей ты стала
Супругой юною Христа.
Сегодня, ты подумай только,
Такая свадьба ждет тебя,

Что ты пред теми будешь первой,
Кто Богу посвятил себя.
Ну, что ж ты скажешь?

Юлия (в сторону)

делать?

Что мне

Эусебио (в сторону)

Когда она ответит да,
Я сам себя убью на месте.

Юлия (в сторону)

(О, как ответить мне!) Всегда
Над жизнью власть отца имеет
Влиянье первое, но прав
Нет у нее на нашу волю.
Зачем решил ты, не сказав
Ни слова мне? Не лучше ль было,
Мне высказавши свой совет,
Спросить и о моем желаньи?

Курсио

И о твоём желаньи? Нет!
Во всем одна моя лишь воля, -
Пусть буду прав я, иль неправ, -
Тебе должна служить указкой.

Юлия

Тот иль иной удел избрав,
Я поступлю согласно с правом
Любого - свой удел создать.
Звезда несчастная не может
Свободной воли принуждать.
Дай мне подумать и размыслить
И не дивись, что я прошу
Мне дать известный срок, пред тем

как

Все обсужу я и решу.
Вопрос идет о целой жизни.

Курсио

Достаточно, что думал я,
Что за тебя я дал согласие.

Юлия

Ну, если жизнь твоя - моя,
Будь за меня уж и монахом.

Курсио

Молчи! Молчать! Решен вопрос!
Не то тебе сплету я петлю
Из собственных твоих волос.
Бесчестная! Тебе я вырву
Твой дерзкий, наглый твой язык.

Юлия

Свою я волю защищаю,
Жизнь можешь взять хоть в этот

МИГ.

Пусть кончится ее течение,
Твой гнев окончен будет с ней;
Ты дал мне жизнь и можешь ею
Распоряжаться, как своей:
А волю даровало небо,
Ее тебе я не отдам.

Курсио

Теперь вполне готов я верить
И подозреньям и мечтам;
Твое упрямство подтверждает,
Что мог я лишь подозревать,
Что мать твоя была бесчестной:
Когда ты смеешь посягать
На честь отца, с которой солнце
Равняться в блеске не могло,
Я вижу осквернение крови,
Горевшей пышно и светло
В своем почетном благородстве.

Юлия

Не понимаю слов твоих
И потому не отвечаю.

Курсио

Оставь, Арминда, нас одних.
(Арманда уходит.)

СЦЕНА 8-я
Курсио, Юлия.

Курсио

Теперь слепая сила гнева
Мне рассказать повелевает
О страшной тайне, что хранил я
В душе в течение долгих лет.
Так пусть язык тебе расскажет
То, что глаза тебе сказали.
Сиенское градоначальство,
Чтоб возвеличить кровь мою,
Мне дало порученье к папе
Урбану Третьему. В Сиене,
Когда я в Рим свой путь направил,
Осталась дома мать твоя,
И как о ней вещала слава,
По добродетели равнялась
Она матронам древнеримским,
Была меж наших образцом,
(Не знаю, как язык мой может
Ее порочить, но - несчастный!
Как часто вводит в заблужденье
Уверенность) она была
Одна, покуда с порученьем
Я восемь месяцев был в Риме;
Тогда велись переговоры,
Чтоб сеньорию передать
На благоусмотренье Папы:
Да ниспошлет Господь решение,
Которое полезней будет.
Я продолжаю свой рассказ.
По возвращении в Сиену...
Но тут дыхание слабеет,
Но тут душа изнемогает,
И умолкает мой язык.
По возвращении в Сиену
(Несправедливая тревога!)
Я увидал, что так далеко

Зашла у матери твоей
Беременность, что ей осталось
Для несчастливого рожденья
Лишь незначительное время.
Она уже писала мне
В своих, обмана полных, письмах,
Что были у нее сомненья
Насчет подобного несчастья,
Когда я отправлялся в Рим;
И так представилось мне ясно
Мое бесчестие, что, в мыслях
Переживая оскорбленье,
Вообразил я свой позор.
Не говорю, что это правда,
Но благородному по крови
Не нужно ясно убеждаться,
Достаточно воображать {4}.
И для чего же это нужно,
(О, суд несправедливый мира!
Закон немилосердный чести!)
Чтоб благородный жалким стал,
Когда незнаньем он оправдан?
Законы лгут: когда несчастный
Не мог предупредить причину,
Ее последствие – не в нем.
Какой закон имеет право
Винить несчастного? Какое
Есть прегрешение в безвинном?
Я говорю, законы лгут.
То не бесчестье, а несчастье.
Да, хороши законы чести,
Одним бесславьем покрывая –
Меркурия, кто честь украл,
И Аргуса, кто был ей стражем!
О, что же этот мир, который
Так невинного позорит,
Приготовил для того,
Кто, зная свой позор, безмолвен?
Среди подобных размышлений,
Среди сомнений столь жестоких
Не мог я сесть за стол, чтоб

есть,

Не мог уснуть в своей постели.
Я жил с самим собой в разладе,
И сердце было как чужое,
Душа как деспот мне была.
И хоть порой в ее защиту

Я рассуждал с самим собою,
И хоть вполне я оправданье
Правдоподобным находил,
Боязнь позора в то же время
Столь действительно влияла,
Что, зная всю ее невинность,
Я отомстил - не грех ее,
Свои сомнительные мысли.
И чтоб отмщенье было тайным,
Гостей созвал я на охоту:
Ревнивцу дорог лишь обман.
В горах, когда другие были
Поглощены своей забавой,
Обманно-нежными словами
(Кто лжет, умеет их сказать!
Кто любит, им охотно верит!)
Увлек я мать твою, Росмиру,
К одной тропинке отдаленной
От проторенного пути:
Моим ласкательствам внимая,
Она вошла в уют, сокрытый
Меж горных стен, куда для солнца
Сплетеньем листьев и ветвей,
Соединенных грубой силой,
Чтоб не сказать - любовной

связью,

Был прекращен малейший доступ.
И чуть напечатлела след
Своею смертною стопою,
Чуть с ней вдвоем...

СЦЕНА 9-я

Арминда. - Те же.

Арминда

Когда

бесстрашье,

Что у тебя гнездится в сердце,
И опытность твоя, сеньор,
В почтенных зрима сединах,
Перед нагрянувшим несчастьем
Тебе в поддержке не откажут, -
Как испытание души,
Оно стоит перед тобою.

Курсио

Что за причина заставляет
Тебя перерывать рассказ мой?

Арминда

Сеньор...

Курсио

Сомнением не мучь.
Кончай.

Юлия

Чего же ты умолкла?

Арминда

Быть голосом я не хотела б
Твоей беды, моих несчастий.

Курсио

Ее узнать я не боюсь,
И ты о ней сказать не бойся.

Арминда

Лисардо, моего владыку...

Эусебио

Лишь этого не доставало.

Арминда

Пронзенного, всего в крови,
Четыре пастуха соседних
Несут (о, Боже!) на носилках,
Умершего. Идут. О, только
Теперь на труп ты не гляди!

Курсио

О, небо! Столько злополучии

Для одного!

СЦЕНА 10-я

Хиль, Менга, Тирсо, Брас и Торибио
несут на носилках мертвого Лисардо.

- Те же.

Юлия

Какой же силой
Нечеловеческой свирепость
Его пронзила прямо в грудь?
Какой рукою своевольной,
Разгневанной столь кротким

нравом,

Моя излита кровь? О, горе!

Арминда

Сеньора...

Брас

Нет, не подходи.

Курсио

Назад.

Тирсо

Тебя покорно просим,
Не подходи.

Курсио

Друзья, не может
Терпеть душа. О, дайте видеть
Мне этот бездыханный труп,
Руину времени, осколок
Звезды несчастной, лик зловещий
Моих печалей роковых.
Какой бездушный рок (о, сын, мой

милый!)

скорбный прах,

Тебе велел предстать, как

саван?

Чтоб ты нашел в моих седилах

убийцей

О, памятник, возникший на песках!
Скажите мне, друзья: кто был

Того, чья жизнь всегда была моей?

Менга

Вот скажет Хиль; когда его убили,
Он в рощице стоял среди ветвей.

Курсио

Лисардо?

Скажи, приятель, кто убил

Хиль

А я не знаю; знаю лишь, что он
Назвался Эусебио при споре.

Курсио

Могу ли я быть больше оскорблен?
Вдвойне я Эусебио ограблен;
Он отнял жизнь и честь.

(К Юлии.)

Ну, что

ж, ГОТОВЬ

Его желаньям буйным оправданье,
Скажи: вполне чиста его любовь,
Ведь он, за неимением бумаги,
Ее твоею кровью записал.

Юлия

Сеньор...

Курсио

сегодня ж

Не отвечай мне, и

сказал.

Поступишь в монастырь, как я

вместе

Не то готовься, что с Лисардо

Во мгле могилы будешь роковой,
В один и тот же день вас хороню
я:
Он мертвый в мире, в памяти
живой,
Ты мертвая во мне, живая в мире.
Иду и замыкаю эту дверь,
Останься с мертвым, чтоб, при
виде смерти,
Как умирать - узнала ты теперь.
(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

Юлия; Лисардо, мертвый; Эусебио.

Юлия

Тысячекратно собираюсь,
О, Эусебио жестокий,
С тобою говорить, но сердце
Тысячекратно не велит,
И прекращается дыханье,
И на устах слова смолкают.
О, я не знаю, я не знаю,
Как мне с тобою говорить:
Ко мне в одно и то же время
Приходит гнев и состраданье,
Горят в одно и то же время
Негодование и любовь.
Глаза хотела бы закрыть я,
Чтобы не видеть этой крови,
Чтобы не знать, что цвет гвоздики

{5}

Взывает к мщению за себя:
И оправдать тебя хочу я,
При виде слез твоих, затем что
Глаза и раны, в нашей жизни -
Уста, которые не лгут.
В одной руке держа влеченье,
Другой рукой готовя кару,
Одновременно я хотела б
Тебя казнить и защищать.
И меж таких слепых сомнений,
И между помыслов столь сильных
Меня сражает милосердие
И побеждает боль тоски.

Так значит – так меня ты ищешь?
О, Эусебио, так значит –
Взамену нежности ты хочешь
Меня жестокостью пленить?
В то время как, на все решившись,
Ждала я моего венчанья,
Ты хочешь мне, в замену свадьбы,
Устроить пышность похорон!
Когда я для тебя в угоду
Перед отцом явилась дерзкой,
Ты для меня готовишь траур
В замену праздничных одежд!
Когда, поставив жизнь на карту,
Я наш восторг осуществила,
Ты вместо свадебного ложа
(О, небо!) мне готовишь гроб!
Когда, презрев преграды чести,
Тебе я руку предлагаю,
Ты мне протягиваешь руку,
Всю обогренную в крови!
Как буду я в твоих объятьях,
Когда, желая нашей страсти
Дать жизнь горячею любовью,
Я тотчас натолкнусь на смерть?
Что может мир сказать, узнавши,
Что предо мною постоянно,
Коли не облик оскорбленья,
Так тот, кто совершил его?
И если б силою забвенья
Я схоронить его желала,
Чуть обниму тебя, и память
Его мне тотчас возвратит.
Тогда невольно, если даже
Тебя я страстно обожаю,
Самозабвенные услады
Я в гневность мести превращу.
И как, скажи, душа могла бы
Жить в столь мучительном разладе,
Что каждый миг ждала бы кары
И не желала бы ее?
Довольно будет, если в память
Того, что я тебя любила,
Тебя прошу, но не надейся
Меня увидеть никогда.
Из этого окна ты можешь
Проникнуть в сад; беги, спасайся,
Чтобы отец мой, возвратившись,

Не мог тебя увидеть здесь.
Беги, здесь быть тебе опасно,
И, Эусебио, запомни,
Сегодня ты меня теряешь,
Раз потерять меня хотел.
Забудь меня, живи счастливо,
И не смущай свое блаженство,
И не плати за радость счастья
Ни огорченьем, ни тоской.
А я монашескую келью
Для жизни сделаю темницей
Или, быть может, даже гробом,
Чтоб волю выполнить отца.
Там я оплачу злополучья
Звезды такой немилосердной,
Судьбы такой бесчеловечной,
Влияния таких страстей,
Планеты, мне такой враждебной,
Созвездий, столь упрямо-буйных,
Любви настолько несчастливой,
Настолько изменной руки,
Что жизнь мою она убила
И не дала мне этим смерти,
Чтоб я всегда жила в печали
И умирала без конца.

Эусебио

Когда с жестокими словами
Жестокость рук ты сочетаешь,
Ты можешь отомстить немедля,
Я падаю к твоим ногам.
Смотри, я схвачен преступленьем,
Твоя любовь - моя темница,
Мои погрешности - оковы,
И сила помыслов - палач;
Когда твои глаза - мне судьи,
Мой приговор конечно смертный,
Но обо мне промолвит слава:
"Он умер, так как он любил".
Да, только в этом я преступник,
Что я люблю тебя; не буду
Себя оправдывать, чтоб грех мой
Не показался не грехом;
Лишь одного теперь желаю,
Убей меня и будь отмщенной,
Возьми кинжал, пронзи им сердце,

Которым ты оскорблена,
Исторгни дух, в тебя влюбленный,
Пролей потоки жгучей крови,
Тебе самой принадлежащей.
А если ты меня убить
Сама не хочешь, пусть для мщенья
Придет отец, пойду, скажу я
Ему, что я в твоём покое,
Пускай спешит.

Юлия

Остановись!
В последний раз с тобою буду
Я говорить, и ты исполнишь
То, что скажу я.

Эусебио

Обещаю.

Юлия

Итак, иди скорей туда,
Где жить ты можешь безопасно.
Есть у тебя и дом, и люди,
Чтоб защитить тебя.

Эусебио

Разумней
Мне было бы утратить жизнь.
Раз жив я буду, невозможно,
Чтобы тебя не обожал я,
И даже в келье монастырской
Не будешь безопасна ты.

Юлия

Сумей сберечь себя, сумею
Хранить себя и я.

Эусебио

С тобою

Увижусь?

Юлия

Нет.

Эусебио

И нет исхода?

Юлия

Не жди его.

Эусебио

Уже меня
Ты ненавидишь?

Юлия

Постараюсь
Все сделать, чтобы ненавидеть.

Эусебио

Меня забудешь ты?

Юлия

Не знаю.

Эусебио

Тебя увижу?

Юлия

Никогда.

Эусебио

Но наше прошлое блаженство?..

Юлия

Но эта кровь передо мною?..
Ты слышишь: дверь сейчас откроют.
Иди скорей.

Эуебио

Лишь для тебя.
И не увижусь я с тобою!

Юлия

И не увидишь ты меня!
(Слышен шум, каждый уходит
а свою сторону, входят несколько слуг
и уносят тело.)

ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я

Гора.

Рикардо, Селио, Эусебио, одетые
бандитами,
с мушкетами {1}.

(За сценой слышен выстрел.)

Рикардо

Ударил в грудь ему свинец
жестокий.

Селио

Свирепейший удар запечатлел
Трагедию - его горячей кровью,
Излитой на цветы.

Эусебио

Его удел
Свершился. Крест над ним скорей
поставьте.
Да не казнит Господь грехи его!

Рикардо

Разбойникам не чуждо милосердие.
(Рикардо и Селио уходят.)

Эусебио

И если воля рока моего -
Чтоб стал я предводителем
бандитов,
Пусть будут преступления мои,
Как и мои страдания, бесконечны.
В свирепости, в каком-то забытьи,
Они меня преследуют, - но я ведь
Лисардо не изменю убил;
И вот казнить я должен столько
жизней,
Чтоб только сам живым и сытым
был.
Имущества они меня лишили,
Мои все виллы забраны в казну,
И даже мне отказывают в пище.
Так каждому я голову сверну,
Кто подойдет сюда к уступам
горным.

СЦЕНА 2-я

Рикардо, бандиты; Альберта,
схваченный ими. - Эусебио.

Рикардо

Я посмотреть на рану пожелал,
И нечто необычное увидел.

Эусебио

Рассказывай.

Рикардо

Он на груди держал
Вот эту книгу; об нее-то пуля
Расплющилась, и, чувств
лишившись, он
Оправился. Он здесь перед тобой.

Эусебио

Ужаснут я и вместе восхищен,
Скажи мне, досточтимый старец,
кто ты,
своей,
Что небо, в благосклонности
В твоём лице своё явило чудо?

Альберто

Счастливейший я между всех людей:
Служителем быть Церкви удостоен,
Хоть чести я не заслужил такой;
И сорок лет в Болонье неусыпно
Учил я теологии святой.
Святейшеству Его, за это рвенье,
Меня угодно было наградить:
Святой Отец, как дар благой,
изволил
вручить;
Мне Трентское епископство
Дивясь, что у меня на попеченьи
Так много душ, свою же я забыл,
Я лавры бросил, я от палым
отрекся,
Я от мирских обманов отступил,
Ушел искать уроков достоверных,
Спасающих от ложного, - и вот
Я прохожу по сим местам
пустынным,
Где правда обнаженная живет.
Я в Рим иду, чтоб Папа мне
позволил
Отшельнический орден основать.
Но ты, как вижу, хочешь
дерзновенно
Нить жизни недоконченной порвать.

Эусебио

Поведай мне, какая это книга?

Альберто

А это плод, который я извлек

неусыпных.

Из стольких лет занятий

Эусебио

Какой же в ней содержится урок?

Альберто

победу,

История таинственного древа,
На коем, без боязни умерев,
Над смертью одержал Христос

древе.

И усмирил ее свирепый гнев:
Правдивейший рассказ об этом

Название книги - "Чудеса Креста".

Эусебио

пробить,

Свинец послушной воска оказался,
Не тронул ни единого листа,
И благо. Да угодно будет Богу
Чтоб, прежде чем листы ее

Удар мой, на меня же обратившись,
Мне руку поспешил испепелить!
Бери одежду, деньги, без помехи
Живи; лишь эту книгу я возьму.
А вы его подите проводите.

Альберто

разум,

Иду и вознесу мольбы к Тому,
Кто видит все. Да озарит твой

Чтоб ты свою ошибку увидал!

Эусебио

дал,

Коль блага мне воистину желаешь,
Молись, чтоб Он покаяться мне

Пред тем как я умру.

Альберто

такой,
пустыню,

Я обещаю,
Что в этом буду я Его слугой.
И так твоим я тронут милосердьем,
Что где б ты ни был, но в нужде

В миг смерти, брошу я свою

И ты найдешь во мне духовника:
Священник я, меня зовут Альберто.

Эусебио

Даешь мне слово?

Альберто

Вот моя рука.

Эусебио

Вторично я твои целую ноги.
(Альберто уходит с Рикардо
и с разбойниками.)

СЦЕНА 3-я

Чилиндрина. - Эусебио.

Чилиндрина

Всю гору я прошел, спеша к тебе.

Эусебио

Что нового, приятель?

Чилиндрина

Два

известья,

Дурные оба.

Эусебио

В страхе и в борьбе
Дрожит душа. Ну, говори.

Чилиндрина

Во-

первых,

(Об этом я хотел бы умолчать)
Отцу Лисардо дали порученье...

Эусебио

Ну, говори.

Чилиндрина

Тебя убить иль взять.

Эусебио

Другая весть меня пугает больше.
Смущаясь и стремительно спеша,
В предчувствии каких-то бед

грядущих,

Идет как будто к сердцу вся душа.
Ну?

Чилиндрина

Юлия...

Эусебио

В предчувствии

несчастий

Не обманулся я, коль свой рассказ
Упоминая Юлии ты начал.

час

Вот, я печален. О, не в добрый

Я полюбил ее!.. Но продолжай же.

Чилиндрина

Она в монастыре.

Эусебио

Еще удар!

Нет больше сил. Так страшно небо

мстит мне

сладость чар,
их.

За краткий свет надежд, за
Погибших, прежде чем я испытал

грабить.

Я к небу должен ревностью пылать,
Раз для него она меня бросает.
Но, чтобы жить, я должен убивать,
Чтоб не погибнуть, должен дерзко

сорвутся,

Так я не буду хуже, чем я был.
Пускай же в пропасть замыслы

вступил.

Когда мой разум в пропасти

Где Селио? Рикардо? Позови их.
(В сторону.)
(Любя, стораю!)

Чилиндрина

Я иду.
(Уходит.)

Эусебио

и

Скорей.

Я жду их здесь. - О, Юлия, тебя я
Найду, как вор, в обители твоей!
И никакая кара не страшна мне;
Чтоб овладеть такою красотой,
Любовь меня как деспот принуждает
Ворваться в тишь обители святой,
Проникнуть силой в сумрачную

келью.

Отчаянье владеет мной теперь,
И если бы любовь мне не велела
Найти твою замкнувшуюся дверь,
И если бы она была бессильна
Такие дерзновенья мне внушить,
Я их свершил бы лишь затем, чтоб

сразу

Так много преступлений совершить.

СЦЕНА 4-я

Хиль, Менга. - Эусебио.

Менга

И что же делать мне, несчастной,
Коль повстречаем мы его?

Хиль

А я-то, Менга, здесь зачем же?
Крепись; не бойся ничего,
А если встретим атамана,
Со мной праща и петля есть.

Менга

Боюсь я, Хиль, его злодейства.
Что если посягнет на честь?
Забыл, что с Сильвией случилось,
Когда она сюда зашла?
Девицею вошла в ущелье
И женщиной домой пошла.
Подумать, ужаси какие!

Хиль

Случиться может и со мной:
Я юношей вхожу в ущелье,
А как же я приду домой?
(Замечают Эусебио.)

Менга (к Эусебио)

Ай, ай, сеньор, тебя погубит
Здесь Эусебио!

Хиль

Сеньор,
В опасные места зашел ты,
Здесь может повстречаться вор.

Эусебио (в сторону)

Они, как вижу, не узнали,
Отлично.

Хиль

Ищешь смерти? Нет?

Эусебио (в сторону)

вам
(Ишь мужичье!) - Чем заплатить
Могу я за такой совет?

Хиль

Лишь тем, что избежишь злодея.

Менга

Кто в руки попадет к нему,
Хоть и противиться не будет,
Пиши прощай, конец ему.
Убьет, и крест над ним поставит,
И грех свой, дескать, искупил.
Подумаешь, какая милость
Тому, кого он сам убил!

СЦЕНА 5-я

Рикардо, Селио. - Те же.

Рикардо

Он здесь был?

Селио

Да.

Хиль (к Эусебио)

Беги! Разбойник!

Рикардо

Ты, Эусебио, нас звал?

Хиль

Как, Эусебио сказал он?

Менга

Да.

Эусебио

Разве вас я обижал?
Что ж вы молчите? Отвечайте.

Менга

Ну, Хиль, где петля? Где праща?

Хиль

Где черт? Чтобы тебя побрал он!

Селио

Когда сейчас, тебя ища,
Мы шли сюда, с высот я видел,
Внизу, на зелени лугов,
Идет отряд к уступам горным
Вооруженных мужиков.
Так Курсио осуществляет
Свою замысленную месть.
Сбери людей, реши, что делать,
Бежим, покуда время есть.

Эусебио

Бежать теперь необходимо,
Работа на ночь есть у нас.
Со мною оба отправляйтесь,
Я выбрал вас на этот раз
И честь свою вам доверяю.

Рикардо

Ее я свято сберегу.

Эусебио

Я жизнь дарю вам, крестьяне.
Два слова моему врагу
Вы от меня передадите:
Скажите Курсио, что я
С толпой храбрецов живу здесь,

И шайка велика моя;
Но я себя лишь защищаю,
Его не думал убивать,
И он причины не имеет
Меня с оружием искать.
Я без предательства, без козней,
Лисардо умертвил в бою,
Лицом к лицу мы с ним сразились,
И перед тем как жизнь свою
Он кончил, сам его отнес я,
На собственных своих руках,
Туда, где мог он с сокрушеньем
В своих покаяться грехах;
Меня бы должен уважать он
За это; если ж хочет мстить,
Пусть он узнает, что себя я
Всегда сумею защитить.

(К бандитам.)

И чтоб они не увидали,
Куда теперь идти хотим,
Привяжем их к стволам деревьев,
Да и глаза завяжем им.

Рикардо

Вот и веревка.

Селио

Ну, скорее.

Хиль

Я как святой Себастиан {2}.

Менга

Я как святая Себастьяна.
Но раз такой удел нам дан,
Вяжи меня, вяжи, как хочешь,
Но лишь меня не убивай.

Хиль

Меня не тронь; коль убегу я,
Меня распутным называй.
Клянись и ты скорее, Менга,

Такой же клятвой перед ним.

Селио

Привязаны.

Эусебио

Без промедлений
Мой замысел осуществим.
Уж ночь идет в покрове черном,
Гася огонь дневных лучей.
Пусть ты хранима самым небом,
Ты будешь, Юлия, моей!
(Уходят.)

СЦЕНА 6-я

Хиль, Менга, привязанные.

Хиль

Ну, Менга, в этом положеньи
Теперь кто б ни увидел нас,
Конечно, тотчас же он скажет,
Что Перальвильо - здесь как раз

{3}.

Менга

Никак не стронуться мне с места,
Ты, Хиль, иди скорей сюда.

Хиль

Ты, Менга, развяжи мне узел,
Я отвяжу тебя тогда.

Менга

Иди сперва ты, надоедный.

Хиль

Ну, что ж, придет ли кто-нибудь?
Готов я об заклад побиться,

клянча,

Что если тут проезжий путь,
Погонщик здесь мулов быть должен,
Что звонко песенку поет,
Иль путник, что проходит -

Или студент - набивши рот,
Или святоша - умоляя,
Чтобы на церковь дали ей {4},
А если никого здесь нету,
Уж тут не без вины моей.

Голос (за сценой)

Здесь говорят. Сюда, живее.

Хиль

Прошу покорно, в добрый час.
Я тут запутался в сомненьях,
Вы разрешите их как раз.

Менга

Коли вы ищите веревки,
Я награжу вас тотчас ей.

Хиль

Моя веревка будет толще,
Ко мне пожалуйста скорей.

Менга

Я женщина, мне помогите,
От страха я едва жива.

Хиль

Тут, брат, любезности не к месту,
Меня развязывай сперва.

СЦЕНА 7-я

Курсио, Октавио, Брас, Тирсо,
солдаты. - Хиль, Менга.

Тирсо

Вот где-то здесь я слышал голос.

Хиль

Чтобы тебе погибнуть!

Тирсо

Вот!

Что это значит, Хиль?

Хиль

То значит,

Что дьявол всюду стережет.
Развязывай меня сначала,
Потом услышишь мой рассказ.

Курсио

Что здесь случилось?

Менга

А случилось,

Что ты приходишь в добрый час,
Чтобы изменник был наказан.

Курсио

Да кто же так вас привязал?

Хиль

Кто? Эусебио, конечно,
И он при этом нам сказал...
Но что сказал он, я не знаю.
Скрутил он нас. Нет больше сил.

Тирсо

Ну, ну, не плачь: еще с тобою
Себя он кротким объявил.

Брас

Тебя ничем он не обидел,
Ты с Менгою не разлучен.

Хиль

Ай, Тирсо, я совсем не плачу
О том, что был не кроток он.

Тирсо

О чем же плачешь? Расскажи нам.

Хиль

О чем теперь я плачу? Ну,
О том, что с Менгой я остался.
Как у Антона-то жену
Похитил он, ты помнишь, было?
Ну, думаем, пришла беда;
Дней шесть прошло, и

возвратилась,

Повеселились мы тогда,
Пожертвовал он сто реалов.

Брас

А Бартоло как повезло?
Он с Каталиной повенчался,
И вот, полгода не прошло,
Как родила: ты посмотрел бы,
Каким он гусем стал гулять:
Что в девять месяцев другая,
Моя, мол, успевает в пять.

Тирсо

Пока он жив, нет больше чести.

Курсио

И это должен слышать я
Про бессердечного тирана?
Сколь велика беда моя!

Менга

Подумай, как его погубим,

И ежели прикажешь нам,
Мы, женщины, возьмем оружие,
За ним пойдём мы по следам.

Хиль

сомненья:

Что здесь он, в этом нет

Весь этот длинный ряд крестов
Поставлен им самим над теми,
Кто превращен им в мертвецов.

Октавио

Во всех горах нет глуше места.

Курсио (в сторону)

И здесь как раз о, небеса!
Невинность мне и непорочность
Свои явили чудеса,
А я сомненьями преступно
На красоту их посягал,
Меж тем как облик светлой правды
Во всем величьи мне предстал.

Октавио

Сеньор, какую новой страстью
Твое мечтанье смущено?

Курсио

Октавио, меня смущает
Воспоминание одно;
И так как не хочу в словах я
Мой обнародовать позор,
К моим глазам он подступает
И затуманивает взор.
Пусть все меня пока оставят,
И там помедлят на пути,
Чтоб я один пред небесами
С собою тяжбу мог вести.

Октавио

Тяжел твой вздох. Идем, ребята.

Брас

Что говоришь?

Тирсо

Сказал он: вздох?

Хиль

Не расслышали приказанья?
Пойдемте-ка поищем блох.
(Все уходят, кроме Курсио)

СЦЕНА 8-я

Курсио

С кем не случилось, чтобы в горе
Он не ушел в уединенье,
И сам собой не утешался,
Не доверяясь никому?
Меня в одно и то же время
Так много мыслей угнетает,
Что с морем я и с ветром спорю,
Вздыхая и в слезах скорбя.
И в этой местности безлюдной,
В безмолвии, сам друг с собою,
Хочу развлечь мои страданья
Воспоминаньем лучших дней.
Пусть ни источники, ни птицы
Свидетелями мне не будут:
Бегут источники с журчаньем,
И есть язык у вольных птиц.
Я не хочу иных собратьев,
Как эти сумрачные ивы:
Они внимают и не помнят,
И значит могут умолчать.
Вот в этом месте разыгралась
Трагедия ревнивой страсти
И чистоты, пример которой
Лишь может древность указать.
Но кто освободиться может
От подозрений, при которых
Обманной кажется и правда?

Я знаю, ревность - смерть любви.
Ни для кого у ней пощады
Найтись не может; ни смиренный,
Ни строгий от нее не скрыты.
Так в этом месте, между гор,
Я и Росмира... Чуть припомню,
И вся душа моя трепещет,
И пресекается мой голос:
Здесь нет ни одного цветка,
Который бы не встал упреком,
Здесь каждый лист меня пугает,
И каждый камень изумляет,
И каждый ствол наводит страх,
И каждая гора грозит мне,
И каждый склон встает, как бремя;
И все свидетельствуют вкупе
О деле изменном моем.
Я вынул шпагу, но при этом
Она нисколько не смутилась:
В опасностях любви - невинный
Ни разу трусом не бывал.
"Остановись, - она сказала, -
Не говорю тебе, супруг мой,
Не убивай меня, - о, если
Меня ты хочешь умертвить,
Могу ль отказывать я в жизни,
Которая - твоя всецело?
Скажи лишь, почему так хочешь,
И дай в последний раз обнять".
Я отвечал: "Ты, как ехидна,
Того теперь во чреве носишь,
Кто умертвит тебя; довольно
Он указывает на тебя.
Но прежде чем его увидишь
И прежде чем родишь бесславно,
Я буду твой палач, решаюсь
Тебя и ангела убить".
"О, если, - мне она сказала,
Супруг мой, если ты подумал,
Что изменить тебе могла я,
Меня немедленно убей.
Но этот Крест я обнимаю".
Она сказала, а пред нею
Был Крест. "Пусть будет он

свидетель,

Пусть будет он защитник мой,
Тебя ни в чем я не умела

Ни оскорбить, ни опорочить".
Я помню, полный угрызений,
Хотел я броситься тогда
К ее ногам: я видел ясно
Во всем лице ее невинность.
Пусть кто замыслил злодеянье,
Сперва обдумает его:
Когда себя он обнаружил,
Хотя б исправиться желал он, -
Чтоб показать, что есть причина,
Он будет увлечен вперед.
И я, не потому, чтоб думал,
Что оправданье не правдиво,
Но для того, чтоб было цельным
То преступление мое,
Разгневанную поднял руку
И тысячу ударов смертных
По всем нанес я направленьям,
Но только воздух поразил.
Как мертвую, ее оставил
Я у Креста; спастись желая,
Домой направился - и что же -
Я дома нахожу ее, -
Светлей, чем радостное утро,
Когда заря выходит к миру,
И держит, как ребенка, солнце
На ласковых своих руках.
Держала Юлию Росмира,
Божественно-прекрасный образ,
Дышавший нежной чистотою:
(Какое счастье могло
С моим сравниться?) в этот вечер
Она родилась у подножья
Креста; и чтобы мир увидел,
Какое чудо Бог явил,
Ребенок был отмечен знаком
Неизъяснимого блаженства,
Отмечен посредине груди
Крестом из крови и огня.
Но горе мне! такое счастье
Отравлено сознанием было,
Что, бесприютное, осталось
Другое существо в горах;
Средь мук, таких неумолимых,
Она почувствовала ясно,
Что у нее родилось двое;
И я тогда...

СЦЕНА 9-я
Октавио. - Курсио.

Октавио

Идет отряд
Бандитов через ту долину;
Пред тем как ночь во тьме

замкнется,

Спуститься нужно к ним навстречу,
А то гора известна им,
А нам неведомы ущелья.

Курсио

Идемте ж все сомкнутым строем;
Я до тех пор не успокоюсь,
Пока ему не отомщу.
(Уходят.)

СЦЕНА 10-я
Внешний вид монастыря.

Эусебио, Рикардо, Селио, с лестницей.

Рикардо

Ставь лестницу, вот здесь,
Не отставай же от меня.

ТИХОНЬКО;

Эусебио

Икаром буду я без крыльев,
И Фаэтоном без огня.
Взобратся я хочу до солнца,
И если мне поможет луч,
Я перейду за свод небесный.
Любовью сильной - я могу.
Вы тотчас лестницу возьмите,
Как поднимусь; я дам вам знак,
Когда ее опять поставитъ.
Кто, воспарив, не мог никак
С высот заветных не сорваться,

Пусть воспарит и вниз падет:
Вся боль паденья не уменьшит
Миг созерцания высот.

Рикардо

Чего ж ты ждешь?

Селио

Какою силой
Ты, столь надменный, вдруг

смущен?

Эусебио

Так вы не видите, что пламя
Грозится мне со всех сторон?

Рикардо

Сеньор, то привиденья страха.

Эусебио

Я страх {5}?

Селио

Всходи.

Эусебио

Хоть у меня
Глаза от пламени ослепли,
Но я пойду среди огня,
Пусть целый ад встает преградой.
(Поднимается по лестнице и уходит.)

Селио

Взошел.

Рикардо

Какой-то тенью сна,
Фантазией, созданием мысли

Его душа устрашена.

Селио

Отнимем лестницу.

Рикардо

Придется
Нам дожидаться до зари.

Селио

А все-таки туда взобраться
Есть храбрость, что ни говори.
Хоть мне, скажу тебе по правде,
С моей крестьянкой сладким сном
Упитья было бы желанней;
Но будет время и потом.
(Уходят.)

СЦЕНА 11-я
Келья Юлии.

Эусебио; Юлия, в постели.

Эусебио

Никем не видим и не слышим,
Влеком таинственной судьбой,
Весь монастырь, глубоко спящий,
Я обошел, окутан тьмой.
Я был у многих-многих келий,
В их двери узкие глядел,
Но Юлии нигде не видел,
И здесь моей мечте предел.
О, вечно лживые надежды,
Куда ж влечете вы меня?
Какое мертвое молчанье!
Но вижу слабый свет огня
Средь этой темноты зловещей.
Здесь келья тесная, и в ней
Я вижу Юлию. Так что же?
(Отдергивает занавеску
и видит спящую Юлию.)
Не хватит храбрости моей,

Чтоб с ней заговорить? Я медлю!
Пред чем дрожит моя любовь?
Едва, смущенный, стану смелым,
Как, смелый, я смущаюсь вновь.
В смиренном этом одеянии
Вдвойне волшебна красота:
О, если женщина красива,
Она стыдлива и чиста.
Ее пленительные чары,
Своею странностью маня, -
Предмет моей любви, - влияют
Непостижимо на меня:
Во мне в одно и то же время
Хотения любви зажглись,
И жажда чар, и стыд, и жалость.
О, Юлия, проснись, проснись!

Юлия

Кто звал меня? Но что я вижу?
Ты тень желанья моего?
Тень мысли?

Эусебио

Так тебя пугаю?

Юлия

Но кто ж от вида твоего
Не убежит?

Эусебио

Постой, помедли!

Юлия

Чего ты хочешь в этот час,
О, призрак мысли повторенной,
Обманный, верный лишь для глаз?
Ты голос ли воображенья?
Ты заблуждений образец?
Рождение холодной ночи?
Мой сон? Мой призрак, наконец?

Эусебио

Я Эусебио, к тебе я
Пришел, о, Юлия, любя;
Когда б я был твоею мыслью,
Я был бы вечно близ тебя.

Юлия

Тебя я слышу, понимаю,
Мой стыд тобою оскорблен,
Действительный, ты мне ужасней,
Чем если б ты был только сон.
Где я, рыдая, умираю,
Где доживая, я грущу,
Чего ты хочешь? Вся дрожу я!
Чего ты ищешь? Трепещу!
Что ты задумал? Умираю!
Что ты замыслил? Гасну вновь!
Как ты сюда дерзнул проникнуть?

Эусебио

Вся из чрезмерностей – любовь.
Моя тоска, моя суровость
Владеют нынче мной вполне:
Пока сюда ты не сокрылась,
Я жил, я мучился вдвойне,
Но я надеялся; когда же
Я красоты твоей лишен,
Я посягаю на обитель,
Топчу монашеский закон.
С тобою мы оба виноваты –
В чем есть вина, иль нет вины;
Две крайности, любовь и сила,
Во мне судьбою сплетены.
Не может небо оскорбиться,
Что жаждой полон я одной:
Пред тем как поступить в обитель,
Ты втайне стала мне женой;
В одном не может сочетаться
Обет монашеский и брак.

Юлия

От счастья наших уз любовных
Отречься мне нельзя никак.
Слиянье было неизбежным

Двух наших чаяний в одно,
Я назвала тебя супругом,
И это было суждено;
Но здесь я стала инокиней,
Супругой сделалась Христа,
Ему дала навеки слово,
И я теперь его, не та,
Не прежняя. Чего ты хочешь?
Иди и погибай один,
Служи на изумленье миру,
Свирепый, убивай мужчин,
Насилуй девушек и женщин,
Но только от меня не жди
Плодов любви твоей безумной,
Здесь место свято, уходи.

Эусебио

Чем более твоя защита,
Тем более тебя хочу.
Я посягнул на эти стены,
Я брошен ветром, я лечу.
Влиянье высшей скрытой силы,
А не любовь владеет мной;
Исполни же мое желанье,
Не то, порвавши мрак ночной,
Я возвещу, что позвала ты
Меня сама, что много дней
Меня держала тайно в келье:
И так как твердостью своей
Меня в отчаянье ты ввергла,
Я закричу, и пусть...

Юлия

Постой,
Подумай... (Горе мне!) Я слышу,
Сюда идут. Во тьме ночной
На хорах кто-то шевелится.
О, небеса! Что предпринять?
Чуть страх один меня покинет,
Как новый страх встает опять.
Запри скорее эту келью!
Вся в трепете, в испуге я.

Эусебио

О, как любовь моя могуча!

Юлия

О, как строга звезда моя!
(Уходят.)

СЦЕНА 12-я
Внешний вид монастыря.

Рикардо, Селио.

Рикардо

Уж три часа, замедлил сильно.

Селио

Рикардо, кто блаженство пьет,
Тот никогда во мраке ночи
Рассвета ясного не ждет.
Ему наверно показалось,
Готов побиться об заклад,
Что солнце никогда так рано
Не надевало свой наряд.

Рикардо

Всегда светает слишком рано
Для тех, кто хочет; для того,
Кто насладился, слишком поздно;
Тут не изменишь ничего:
Кто ждет одно, кто ждет другое.

Селио

Ну, он-то, думаю, не ждет,
Чтобы восток скорей зажегся.

Рикардо

Уж два часа.

Селио

И напролет

Всю ночь пробудет, а не скажет,
Что два часа.

Рикардо

Пожалуй так:
Пока мы тут часы считаем,
Он не припомнит их никак
И наслаждается.

Селио

А знаешь,
Рикардо, я подумал что?
Ведь Юлия его призвала.

Рикардо

Еще бы. Так, без зова, кто
Забраться в монастырь посмеет?

Селио

Какой-то шум. Ты слышишь?

Рикардо

Да.

Селио

Выходит и спуститься хочет.
Приставим лестницу сюда.

СЦЕНА 13-я

Юлия, Эусебио, у окна.

- Рикардо, Селио.

Эусебио

Прочь, женщина!

Юлия

Итак, когда я,

Твоим желаниям поддавшись,
Твоей печалью соблазнившись,
К твоим мольбам свой слух

СКЛОНИВ .

Растрогана твоим рыданьем,
Двойко Бога оскорбила,
Как Господа и как супруга,
Ты от меня стремишься прочь,
С презрением непоправимым,
Гнушаясь мной до обладанья!
Куда ж из рук моих ты рвешься?

Эусебио

О, Женщина, оставь меня!
Чего ты хочешь? Не могу я
Не рваться прочь, когда увидел
В твоих объятьях знак чудесный
Каких-то божеских примет,
Из глаз твоих огни струятся,
В твоём дыханьи слышу пламя,
Твой каждый довод - жгучий

кратер,

И каждый волос - как гроза,
В твоих словах - я смерть

встречаю,

И в каждой ласке - ад разъятый;
Так устрaшен я крестным знаком,
Который грудь твою хранит.
То было знаменем чудесным,
И небеса да не допустят,
Чтоб я, хоть столь их оскорбляю,
Забыл почтение к Кресту,
Когда он будет мною сделан
Свидетелем моих падений,
Как позову его на помощь,
Как призову, не устыдясь?
Нет, Юлия, будь инокиней:
Нет, я тебя не презираю,
Тебя люблю теперь сильнее.

Юлия

Останься, Эусебио.

Эусебио

Вот лестница.

Юлия

Постой, останься,
Или возьми меня с собою.

Эусебио

Нельзя. (Спускается.) Блаженства
не вкусивши,
Которого я столько ждал,
Тебя навеки покидаю.
(Падает.)

О, Господи, не дай погибнуть!
Я падаю.

Рикардо

Что там случилось?

Эусебио

Не видите, что в высоте
Исполнен жгучих молний ветер?
Не видите, что в пятнах крови
Нависло небо надо мною?
Куда ж укрыться я могу,
Когда разгневаается небо?
О, Крест божественный, отныне,
Перед тобою преклоняясь,
Даю торжественный обет,
Что я без всяких оговорок
Везде, где я тебя увижу,
Прочту, в мольбе,
Упавши на землю пред тобой!
(Он поднимается, и все трое они уходят,
оставляя лестницу.)

СЦЕНА 14-я

Юлия (у окна)

Я вся в тревоге, вся в смущеньи.
Так это-то, неблагодарный,

Твоя обещанная твердость?
Так это крайности любви?
Или моей любви тут крайность?
Угрозами, тоской, мольбами,
То как насильник, то как нежный,
Ты все настаивал, пока
Не победил меня; но только
Сумел назваться полновластным
И над собой и надо мною,
Как пред победою бежал.
Кто побеждал, спасаясь бегством,
Кто, как не ты? Я умираю!
О, небо! Для чего природа,
Чтоб убивать, рождает яд,
Когда на свете есть презренье?
Оно меня лишает жизни;
И в пытке снова я желаю
Того, пред чем презренна я.
Кто знал столь странное влиянье
Люви? Когда в слезах, с

мученьем,

Он умолял, я отвергала;
Когда он бросил, я молю.
Так вот мы, женщины, какие,
Мы против собственных желаний,
Любя, тому, кого мы любим,
Упитья счастьем не даем.
Пусть нас никто не любит слишком,
Когда достичь награды хочет:
Любимые, мы презираем,
Отвергнутые, любим мы.
Не больно мне, что он не любит,
А больно, что меня он бросил.
Он здесь упал, за ним я кинусь.
Но это лестница? О, да!
Какое страшное мечтанье!
Остановись, воображенье,
Не устремляй меня с обрывов;
Раз я с тобою соглашусь,
Я совершаю преступленье.
Но Эусебио влюбленный
Не для меня ль сюда ворвался?
И не было ли сладко мне
Из-за себя его увидеть
В такой опасности? Так что же
Я сомневаюсь? Что ж колеблюсь?
Уйдя, я то же совершу,

Что сделал он, сюда вступая:
И раз одно с другим сравнится,
Он будет рад, меня увидя
В опасности из-за него.
Согласие ему давая,
Я тот же самый грех свершила;
Зачем же счастье будет меньше,
Когда вина так велика?
Когда согласие я давала,
И Бог свою десницу отнял,
Моя вина не прощена ли?
Чего ж должна еще я ждать?
(Спускается по лестнице.)
Нет больше в сердце уваженья
Ни к миру, ни к стыду, ни к Богу,
Когда с закрытыми глазами
Иду к великой слепоте.
Я ангел, павший с высей неба,
Я демон, потому что, павши,
Раскаянья не ощущаю,
Хоть нет надежд вернуться ввысь.
Уже стою я вне святыни,
И мертвое молчанье ночи,
Меня окутывая мраком,
Тревожит ужасом мечту.
Настолько путь затянут тьмою,
Что я о сумрак спотыкаюсь
И, падая, не замечая,
Что я в объятиях греха.
Куда иду? Чего хочу я?
Боюсь, что в смуте этих страхов
Восстанет каждый волос дыбом
И возмутится кровь моя.
Воображение в тревоге
Рождает в воздухе виденья,
И голос эхо глухо вторит
Неумолимый приговор.
То преступление, что прежде
Меня соделало надменной,
Меня не возбуждает больше
И заставляет трепетать.
Едва передвигаю ноги,
Они стеснились кандалами,
И на плечах я слышу тяжесть,
Она мучительно гнетет;
И вся я точно льдом покрыта,
Я не хочу идти отсюда,

Я в монастырь хочу вернуться
И замолишь свой страшный грех;
Я верю в милосердие Бога,
Нет стольких звезд на небе

дальнем,

Нет у морей песчинок стольких,
Нет стольких атомов в ветрах,
Что, если б сочетать их вместе,
Они не были бы ничтожны
Перед числом грехов, которым
Сумеет дать прощенье Бог.
Сюда идут, я слышу шорох,
Я спрячусь здесь, чтоб не видали
Меня прохожие, и после
Немедленно вернусь наверх.
(Прячется.)

СЦЕНА 15-я

Рикардо, Селио. – Юлия,
спрятанная так, что ей их не видно.

Рикардо

Так Эусебио, упавши,
Испуган был, что мы забыли
Здесь лестницу, а день уж близко,
Пойдем, возьмем ее скорей.

(Берут лестницу и уходят; Юлия

возвращается

туда, где была лестница.)

Юлия

Ушли: теперь могу подняться.
Нет никого. Но что же это?
Ведь лестница была у этой
Стены? Но нет, она вон там.
Но нет и там. О, силы неба!
Как без нее смогу подняться?
Но я несчастье понимаю:
Мне небом прегражден возврат.
Раскаявшись, хочу подняться,
И не могу. Нет милосердия.
Мне в нем отказано. Так пусть же
В отчаянии я совершу,
Как женщина, дела такие,

Что небеса им изумятся,
Века, и мир, и грех смутятся,
И устрашится самый ад.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА 1-я
Гора.

Хиль, с множеством крестов
и с одним очень большим на груди.

Хиль

Велела Менга дров достать мне,
Я на гору сюда пришел,
А чтоб опасности избегнуть,
Такую штуку изобрел:
Наш Эусебио, я слышал,
Благоговееет пред Крестом.
Что ж, с ног до головы прикроюсь,
И значит по дрова пойдем.
Сказал и сделал: тут как тут он.
Нигде я места не найду,
Где безопасность достоверна;
Нырнул в кусты, дрожу и жду.
Ну, этот раз меня не видел,
Пока пройдет, побуду тут.
В терновнике укрыться можно.
Ай, ай! колючки так и жгут.
Спаси, Создатель! Так и колют,
Сильнее, чем презренье той,
Кто всех мужчин к себе пускает,
Сильней, чем ежели какой
Глупец вас ревностью ужалит.

СЦЕНА 2-я
Эусебио. - Хиль, спрятавшийся.

Эусебио

Не знаю я, куда идти:

Как долги дни того, кто грустен;
И смерть не встретишь на пути,
Когда тяжка дорога жизни.
Ты, Юлия, была моей,
Я был в твоих объятьях нежных,
И силу ласковых цепей
Могла любовь из них соделать,
Но я, блаженства не познав,
Бежал от этих чар волшебных;
И все ж я пред тобою прав:
Не я причина перемены,
Я не в себе ее носил,
Моею волей овладело
Влияние сокрытых сил;
Мне что-то высшее велело
Крест на груди твоей почитать,
И я с таким Крестом родился;
Связующая эта нить,
О, Юлия, ведет нас к тайне,
Ее лишь Бог один поймет.

Хиль (в сторону)

Нет, больше я терпеть не в силах,
Терновник рвет, терновник жжет.

Эусебио

Кто там? Меж веток кто-то
скрылся.

Хиль (в сторону)

Не выгорело ничего.

Эусебио

Тут кто-то к дереву привязан,
И Крест на шее у него:
Согласно моему обету,
Молитву должен я свершить.

Хиль

Ты, Эусебио, кому же
Здесь молишься, позволь спросить.
Коль мне, зачем меня ты вяжешь?

Коль вяжешь, молишься зачем?

Эусебио

Кто ты?

Хиль

И Хиля не признаешь!
Я тут стоял и глух, и нем,
С тех пор как ты меня оставил;
Сперва кричал, не помогло,
Никто не поспешил на помощь
И не услышал, как назло.

Эусебио

Но я тебя не здесь оставил.

Хиль

Сказать по совести, сеньор,
Ты правду говоришь, но, видя,
Что я один меж этих гор,
Как был привязанным, так прямо
Я от ствола к стволу и шел,
И этаким манером значит
До этих самых мест добрел.

Эусебио (в сторону)

(Он Дурачок, и при расспросах
Пригоден будет он для нас.)
Тебя я помню, Хиль, с тех пор как
Тебя я видел в первый раз.
Так будем же вперед друзьями.

Хиль

Друзьями? Ладно. И тогда
К себе туда уж не пойду я,
А значит перейду сюда.
Давай разбойничать {1}; я слышал,
Здесь, что ни день, то пир горой;
Не то что целый год работать.

Эусебио

Так оставайся здесь со мной.

СЦЕНА 3-я

Рикардо, бандиты; Юлия, одетая
в мужскую одежду, лицо у нее закрыто. -
Эусебио, Хиль.

Рикардо

На той тропинке, что пониже
Пересекает горный склон,
Добыча в руки нам попалась,
Ты ей не будешь огорчен.

Эусебио

Сейчас поговорим об этом.
А к нам пристал еще солдат.

Рикардо

Откуда? Кто он?

Хиль

Хиль: не видишь?

Эусебио

Он, правда, очень простоват,
Но знает гору превосходно
И будет нам проводником.
Лазутчиком его отправлю,
Чтоб шпионил за врагом.
Пускай оденется бандитом,
Вручить ему мушкет.

Селио

Бери.

Хиль (в сторону)

Ну, заразбойничаем славно.
А страшно, что ни говори.

Эусебио

Кто этот, что лицо скрывает?

Рикардо

Откуда он, не говорит,
И как зовут его, не знаем,
Сказал, что все он сообщит
Лишь атаману.

Эусебио

Без помехи
Открыться можешь предо мной.
Скажи с какой приходишь целью?

Юлия

Ты атаман?

Эусебио

Да.

Юлия (в сторону)

Боже мой!

Эусебио

Зачем же ты пришел и кто ты?
Скажи.

Юлия

Скажу наедине,
Когда лицом к лицу мы будем.

Эусебио

Все отойдите к стороне.

СЦЕНА 4-я
Юлия, Эусебио.

Эусебио

Одни остались мы с тобою;
И лишь цветы, и лишь деревья
Свидетели твоей беседы.
Сними же маску и скажи:
Кто ты? Зачем сюда приходишь?
Что ты замыслил? Отвечай мне.

Юлия

Чтоб сразу ты узнал, зачем я
Сюда пришел, и кто таков,
(обнажает шпагу)
Вынь шпагу; этим сообщаю,
Что я убить тебя намерен.

Эусебио

Твоя решительность пугает;
Сильней, чем голос мог пугать;
Я отражу твои удары.

Юлия

Сражайся, трус, и ты узнаешь,
Что я могу, тебя убивши,
Твои сомненья разрешить.

Эусебио

Я боюсь, но не затем, чтоб
ранить,
А для того, чтоб защититься,
Я жизнь твою сберечь хотел бы;
Когда бы я тебя убил,
Я сам не знал бы основанья,
И то же самое случится,
Коль ты меня убьешь. Откройся,
Прошу, не откажись.

Юлия

Ты прав.
Когда мы мстим за честь, отмщенье
Тогда лишь верно, - оскорбленный

Тогда лишь примириться может,
Коль оскорбитель будет знать,
Кем он караем {2}.

(Открывает лицо.)

Ну, скажи мне,
Меня ты знаешь? Испугался?
Что ж так глядишь?

Эусебио

Сомнений

полный,

И видя правду пред собой,
Я изумлен тем, что я вижу,
Испуган тем, что созерцаю.

Юлия

Теперь меня ты видел?

Эусебио

Видел.

И оттого, что увидал,
Так возросло мое смущенье,
Что, если чувствами своими
Смятенными желал я раньше
Тебя увидеть, я теперь,
Когда они узнали правду,
То, что отдать я мог бы прежде
За то, чтобы тебя увидеть,
Охотно отдал бы за то,
Чтобы тебя я не увидел.
Ты, Юлия, в ущельи горном?
Ты, измененная двояко?
Ты, в одеянии мирском?
И как сюда одна пришла ты?
Что это значит?

Юлия

Это значит,
Что миг разоблаченья правды
С презреньем встретился твоим.
И чтоб ты мог теперь увидеть,
Что женщина, когда стремится
В погоню за своим желаньем,

Есть выстрел, молния, стрела,
Узнай, что мне не только было
Усладой - делать преступленья,
Но мне желанно повторять их.
Я из обители ушла,
Один пастух в горах сказал мне,
Что я иду путем опасным,
И я в каком-то глупом страхе,
Чтобы опасность устранить,
С лукавостью, ножом, который
На поясе его болтался,
Его убила. Тем же самым
Ножом был путник умерщвлен:
С учтивостью он предложил мне
Сесть на его коня, на крупе,
Чтоб я немного отдохнула,
И так как он хотел свернуть
В одну деревню, для ночлега,
Я случай выждала и смертью
Благодеянье отплатила
В пустынном месте. И три дня,
Три ночи я в глуши безлюдной
Стеблями диких трав питалась
И на камнях спала холодных.
Я к бедной хижине пришла,
Ее соломенную кровлю
Шатром сочла я позлащенным,
Для чувств моих успокоеньем,
С гостеприимностью меня
Ее хозяйка приютила,
И муж ее, пастух, с ней спорил
В приветливом гостеприимстве.
Я отдохнула там вполне
И голод пищей утолила,
Хотя и скромною, но вкусной.
Но прежде, чем расстаться с ними,
Чтоб не могли они сказать
Тем, кто за мной пошел бы следом:
"Ее мы видели", - решила
Я указанья уничтожить:
Пастух со мною шел в горах,
Чтоб показать, куда идти мне,
И я, убив, немедля
Вернулась в хижину, где то же
С его случилось женой.
Но, принимая во вниманье,
Что в собственной моей одежде

смерти;

Был мой доносчик достоверный,
Ее переменяла я.
Один охотник спал в ущельи,
И сон его я обратила
Не в тень, а в точный снимок

Его оружие взяла,
В его одежду нарядилась,
И после разных приключений,
Среди препятствий и ловушек,
Сюда бестрепетно пришла.

Эусебио

Дивлюсь, твоим словам внимая,
Пугаюсь, на тебя взирая,
И ты для слуха - чародейство,
Хотя для взора - василиск.
Нет у меня к тебе презренья,
О, Юлия, но опасаясь
Возмездий, возвешенных небом,
И потому я ухожу.
Вернись в покинутую келью,
За монастырскую ограду;
Мне страшен Крест неизъяснимо.
Уйди. - Но что это за шум?

СЦЕНА 5-я

Рикардо и бандиты. - Те же.

Рикардо

Сеньор, скорее на защиту:
Чтоб захватить тебя в засаде,
Приходит Курсио с толпой
Крестьян окрестных деревень.
И множество их столь обширно,
Что на тебя восстали старцы,
И дети малые, и жены,
И говорят, что отомстят
Пролитую твоей рукою
Кровь юноши твоею кровью;
Клянутся, что они за это,
И за обиду стольких мстя,
Тебя, живым или убитым,
Но схваченным сведут в Сиену.

Эусебио

Мы, Юлия, с тобою после
Поговорим. Закрой лицо.
Иди со мною: непригоже,
Чтоб твой отец и враг мой лютей
Тобою овладел. – Солдаты,
Сегодня достославный день,
Чтоб показать им нашу храбрость.
Дабы никто не колебался,
Заметьте, что они приходят
Убить нас, или, что одно,
Взять в плен; коль мы не будем
храбры,

Себя без чести мы увидим,
Узнаем горькие несчастья
И будем ввержены в тюрьму.
Итак, когда мы это знаем,
За жизнь и честь кто побоялся
Узнать сильнейшую опасность?
Пускай не думают они,
Что мы боимся их: навстречу
Скорей им выйдем; потому что
Судьба всегда стоит за храбрость.

Рикардо

И нечего нам выходить:
Они сюда приходят сами.

Эусебио

Я вас предупредил; так пусть же
Никто из вас не будет трусом:
А если – небом я клянусь! –
Кто побежит или отступит,
Я острие вот этой стали
В его груди окрашу кровью
Скорее, чем в груди врага.

СЦЕНА 6-я

Курсио и народ, за сценой. – Те же.

Курсио (за сценой)

Среди запутанных ущелий,
За скалами, как за стенами,
Сокрылся безнадежно дерзкий
Изменник Эусебио.

Голоса (за сценой)

Вот, вот, они за чащей веток.

Юлия

Вперед, на них!
(Уходит.)

Эусебио

Остановитесь,
Презренные, - клянуся Богом, -
Иначе склоны этих гор,
Окрасив красной вашей кровью,
Я превращу в сплошные реки.

Рикардо

Трусливые в числе безмерны.

Курсио (за сценой)

Ты скрылся, Эусебио!

Эусебио

Не скрылся, а иду на зов твой.
(Все уходят, и за сценой слышатся
выстрелы из мушкетов.)

СЦЕНА 7-я

Другой склон горы,
в глубине его виден Крест.

Юлия

Едва меж горных трав ступила,
Как страшные я слышу вопли
И вижу схватку пред собой.
Пороховые переклички,

И острия блестящей стали.
Одни мое смущают зренье,
Другие – возмущают слух.
Но что я вижу? Неприятель
Своей превосходящей силой
Разбил и гонит в беспорядке
Отряды Эусебио.
Пойду и соберу их снова,
И ободрю их смелой речью,
И если я опять сплочу их,
В его защиту буду я
Страх мира, гневный бич их

жизней,

Свирепый нож зловещей парки,
И ужас для времен грядущих,
И удивленье этих дней.
(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Хиль, одетый как бандит; потом
Менга, Брас, Тирсо и крестьяне.

Хиль

Чуть новоявленным бандитом
Для верности я записался,
И вот, за то, что я разбойник,
Опасность на меня идет.
Крестьянином я был с друзьями
На положеньи побежденных;
Пришел к ворам, вступил в их

шайку,

И то же самое со мной.
Хоть и не скряга я, а всюду
Ношу несчастье за собою;
И много раз мне приходилось
Вообразать в такой беде,
Что будь я жид, и на жидов бы
Тогда несчастье простерлось.
(Выходят Менга, Брас, Тирсо
другие крестьяне.)

Менга

Они бегут! Вперед, за нами!

Брас

Всех истребим до одного.

Менга

Вот здесь один.

Брас

Пускай умрет он.

Хиль

Глядите, это я.

Менга

Мы видим
И по одеже, что разбойник.

Хиль

Моя одежда наврала,
Как самый гадостный мошенник.

Менга

Лупи его.

Брас

Вали смелее.

Хиль

Уж тут лупили и валили,
А ты заметь...

Тирсо

Чего заметь?
Разбойник ты.

Хиль

Христианин я,

И при крещеньи назван Хилем.

Менга

Чего ж ты раньше не сказал нам?

Тирсо

Ты Хиль, зачем же ты молчал?

Хиль

Уж как молчал, - спервоначалу
Вам говорил, что я такой-то.

Менга

Ты что здесь делаешь?

Хиль

Не видишь,
Я против Бога восстаю,
И в пятой заповеди грешен:
Один я больше убиваю,
Чем летний зной и лекарь вместе

{3}.

Менга

Какое платье на тебе?

Хиль

А дьявол. Одного убил я,
В его одежду и облекся.

Менга

Так как же крови нет на платье?
Была бы, если б ты убил.

Хиль

А дело было очень просто:
Как, значит, он меня увидел,
От страху тут же он и умер.

Менга

Идем. Мы одержали верх.
Разбойники от нас бежали,
И мы спешим за ними следом.

Хиль

Ну, хоть от голода помру я,
Теперь одежду эту прочь.
(Уходят.)

СЦЕНА 9-я

Эусебио. Курсио, сражаясь.

Курсио

Вот мы одни. Да примет небо
Благодарение за то, что
Оно сегодня даровало
Отмщение моей руке,
Чужим рукам не доверяя
Возмездье за мою обиду
И казнь твою.

Эусебио

Я полагаю,
Что, встретив, Курсио, тебя,
Благодарить я должен небо;
Сюда придя как оскорбленный,
Наказанным и окорбленным
Уйдешь отсюда. Но сказать
Поистине, я сам не знаю,
Каким нежданным уваженьем
К тебе душа моя прониклась,
Страшнее мне твой гнев, чем

сталь:

И хоть меня пугать могла бы
Твоя испытанная храбрость,
Лишь эти строгие седины
В моей душе рождают страх.

Курсио

Я, Эусебио, признаюсь,
Что ты мой гнев сумел умерить,
Сумел уменьшить оскорбленность,
Но не хочу, чтоб так слегка
Ты думал, что седин боишься,
Когда моя пугает храбрость.
Сражайся, чтоб звезда какая
Или благоприятный знак
Не воспрепятствовали мести,
Сражайся!

Эусебио

Я и страх? Как глупо,
В почтеньи ты увидел страх!
Но, если говорить по правде,
Победа, о которой мыслю, -
Припасть к твоим ногам покорно
И о прощении молить;
И потому мое оружие,
Что было ужасом столь многих,
К твоим ногам я повергаю.

Курсио

Не думай, Эусебио,
Что, преимущество имея,
Тебя убить я пожелаю.
Вот, я в ножны влагаю шпагу.

(В сторону.)

(Так повода я избежал
Его убить). Давай сразимся
С тобою в рукопашной схватке.
(Обнимаются и борются.)

Эусебио

Не знаю, от каких влияний сердце
В груди моей забилося в этот час
И, вопреки желаньям гневной

мести,

Оно в слезах как бы глядит из

глаз.

И чтоб ты был отмщенным в этой

смуте,

Я умертвить хотел бы сам себя,

слагаю,

К твоим ногам я жизнь свою

Осуществляй же месть, прошу тебя.

Курсио

оскорбленный

Кто благороден, тот и

Того, кто покорился, не убьет;
Иначе кровью блеск своей победы
В значительной он степени сотрет.

Голоса (за сценой)

Здесь, здесь они.

Курсио

победивши

Отряд мой,

Твоих людей, спешит меня найти;
Твои солдаты в бегство

обратились.

Беги и ты, хочу тебя спасти,
От мщения крестьян тебя не в

силах

Я защитить, а биться одному
С такой толпой нельзя.

Эусебио

бояться

Врагов

Как прикажу я сердцу моему?
Нет, Курсио, мне бегство

незнакомо,

Со мною шпага, пусть начнется

бой,

Для этих у меня найдется

храбрость,

Которой не имел я пред тобой.

СЦЕНА 10-я

Октавио, Хиль, Брас
и другие крестьяне. - Те же.

Октавио

Нигде, от самой низменной долины
До высшей точки этих диких скал,
Ни одного живого нет бандита;
И только Эусебио бежал...

Эусебио

Солгал ты, никогда он не был
трусом.

Все

Он здесь? Так пусть же он умрет
сейчас!

Эусебио

Ну, ну, я жду.

Курсио

Октавио, помедли.

Октавио

И ты, сеньор, удерживаешь нас?
Мы думали, что ты-то нас
ободришь.

Брас

Защитой ты становишься тому,
Кто кровь твою и честь твою
похитил?

Хиль

Ты благосклонен к дерзкому - к
нему,
Кто в эти горы внес опустошенье,
Кто стольких умертвил, что и не
счесть,
И ни одну девицу не оставил,
Не подмарав девическую честь?
Зачем же за него ты заступился?

Октавио

Что ж, недруга хранишь ты своего?

Курсио

несчастье!):

Послушайте, постойте (о,

В Сиену лучше отведем его.
Отдайся, Эусебио, во власть нам;
Как благородный клятву я даю
Быть для тебя в твоей беде

защитой,

Не ставя в счет тебе вину твою.

Эусебио

Как Курсио тебе я мог бы сдаться,
Но как судье я сдаться не могу:
Почтенье в первом, во втором же

трусость.

Октавио

Так пусть же он погибнет. Смерть

врагу!

Курсио

Постойте...

Октавио

Защитить его

желаешь?

А родину предашь?

Курсио

Предатель - я?
Прости мне, Эусебио, но этой
Обидой сражена душа моя,
И первый я убить тебя желаю.

Эусебио

Прощу тебя, владыка, отойди,
Чтоб не был устрaшен твоим я
видом.

А то, когда ты станешь впереди,
Ты для своих щитом надежным
будешь.

(Все уходят, сражаясь с ним.)

Курсио

Теснят его, теснят со всех
сторон.

О, если б жизнь твою сберечь от
смерти,

Хотя б с своею был я разлучен!
Он ранен насмерть тысячьо ударов,
Облитый кровью, по горе идет,
Бросается в долину, отступая,
Лечу туда. Та кровь меня зовет,
В сомнении пугливо холодея;
В ней что-нибудь из крови есть

моей,

А то б она меня не призывала,
И слух мой не стремился б жадно к

ней.

СЦЕНА 11-я

Эусебио, спотыкаясь, спускается вниз.

Эусебио

С вершины самой дерзновенной,
Над жизнью теряя власть,
Я падаю, и вот не знаю,
Где, мертвый, я могу упасть.
Но, если о грехах помыслю,
Не то мне жаль, что жизнь моя
Потеряна: я размышляю,
Как мог бы этой жизнью я
Загладить все грехи. Повсюду
Грозит мне вражеская рать.
И так как жить мне невозможно,
Мне остается убивать
Иль умереть. Но было б лучше
Пойти в одно из скрытых мест
И помолиться о прощеньи;

Дорогу преградил мне Крест.
Так пусть убьют меня скорее,
Он жизнь мне вечную дает.
О, древо, на котором небо
Взрослило достоверный плод,
Съеденье первого исправив,
Эдема нового цветок,
Свет радуги, под чьей дугою
Бежит стремительный поток,
В глубинах с миром примиренный,
Отдохновение от гроз,
О, арфа нового Давида,
О, виноградник новых лоз,
Скрижаль второго Моисея!
Я грешник, я молю, в борьбе,
В последней, окажи мне помощь;
Бог принял пытки на тебе
За грешников. Ты мне обязан
Лучом небесного огня:
Когда б весь мир во мне был

ТОЛЬКО,

Бог смерть бы принял за меня.
О, Крест, ты для меня воздвигся,
Бог не страдал бы на тебе,
Когда бы грешником я не был!
Не будь же глух к моей мольбе,
Всегда, к тебе дыша любовью,
Я ждал, в игре страстей пустой,
Что умереть без покаянья
Ты мне не дашь, о, Крест святой.
Не первый буду я разбойник,
Который с Богом примирен
Был на тебе; нас двое, двое,
И мною не отвергнут он,
Так не отвергни же - с мольбою
Тебя просящего теперь,
Спаси меня тем самым чудом.
Лисардо, я, как дикий зверь,
Мог растерзать тебя, когда ты
Всецело был в моих руках,
Но я помог тебе пред смертью
Открыться Богу во грехах,
И ты покаялся, пред тем как
Тебя окутал смертный сон.
Я вспоминаю и о старце,
Хотя бы может умер он.
О, сжальтесь оба надо мною,

Уж я живу и не живу!
Взгляни, Лисардо, умираю!
Услышь, Альберто, я зову!

СЦЕНА 12-я
Курсио. – Эусебио.

Курсио

Здесь где-нибудь он, верно
скрылся.

Эусебио

Коль ты пришел меня убить,
Возьми последний проблеск жизни.

Курсио

Кто мог бы непреклонным быть
При виде этой жгучей крови?
Отдай мне шпагу.

Эусебио

Дать? Кому?

Курсио

Мне, Курсио.

Эусебио

Тебе – охотно.

(Отдает ему шпагу.)

И эти ноги обниму,
И умолять тебя я буду,
Чтоб ты обиду мне простил.
Но рана порвала дыханье,
И говорить нет больше сил,
В душе боязнь и смутный ужас.

Курсио

Могу ли чем тебе помочь
Как человек?

Эусебио

О, нет, я слышу,
Что смертная подходит ночь,
Лишь Бог душе моей помог бы.

Курсио

Скажи, куда ты ранен?

Эусебио

В грудь.

Курсио

Быть может есть еще дыханье
И есть надежда; дай взглянуть.

(Осматривает рану
и видит Крест.)

О, Боже! Что за знак прекрасный,
Божественный? Мой дух смущен.

Эусебио

То герб, он мне Крестом дарован,
Перед которым я рожден;
Я о своем рожденьи больше
Не знаю, ничего не знал.
Отец мой мне не показался
И в колыбели отказал;
Предчувствовал, должно быть,

ясно,

Что буду я таким дурным.
Я здесь родился.

Курсио

И довольство
Сравнится с горем здесь моим.
Печаль сравнится здесь с

блаженством,

Одна их создала звезда,
Рок благодатный и враждебный.
О, сын мой! Раньше никогда
Тебя не мог назвать я сыном.

Ты, Эусебио, мне сын,
И все приметы замечая,
Я вижу, что теперь один
Я буду плакать, сокрушаться,
Найдя тебя лишь для того,
Чтоб сына своего увидеть
И вдруг похоронить его.
Твои слова лишь подтвердили,
Что я угадывал душой:
Ты матерью был здесь оставлен,
Где снова был отыскан мной.
Где совершил я прегрешенье,
Там и наказан навсегда;
Уж это место говорит мне,
Что ошибался я тогда.
Но в чем сильнее указанье,
Чем в этом знамени святом?
И грудь у Юлии таким же
Навек отмечена Крестом.
Нет, не без некой высшей тайны
В вас небеса тот Крест зажгли:
Они хотели, чтоб вы оба
Явились чудом для земли.

Эусебио

Отец, я более не в силах
С тобою говорить. Прости!
Вкруг тела слышу холод смерти.
Как бешен бег ее пути,
Пресекла все, и не могу я
Тебе заветных слов сказать,
Нет жизни, чтоб тебя утешить,
Души, чтобы тебе отдать.
Удар последний подступает,
Подходит достоверный сон.
Альберто!

Курсио

Смерть того оплачу,
С кем в жизни был разъединен.

Эусебио

Приди, Альберто!

Курсио

Рок неверный!
Несправедливая война!
Судьба!

Эусебио

Альберто! О, Альберто!
(Умирает.)

Курсио

Ударом смертным сражена
Жизнь юного: так пусть седины
За эту скорбь заплатят мне.
(Рвет свои волосы.)

СЦЕНА 13-я

Брас и тотчас вслед за ним
Октавио. – Курсио. Эусебио, мертвый.

Брас

Рыдание твое и скорбь напрасны.
Ужель судьба суровою рукой
И мужество твое сразить сумела?

Курсио

пламень,
гор.
печали!

Я никогда не знал беды такой.
В моих глазах не слезы, жгучий
Так пусть же вспыхнут склоны этих
О, мрачная звезда! О, боль
О, тягостный, суровый приговор!
(Входит Октавио.)

Октавио

Судьба сегодня, Курсио, решила
Тебе послать такую бездну бед,
Какую только вынесет несчастный.

нет,

Как рассказать? В душе уменя
И тяжко мне, тому свидетель небо.

Курсио

Что ж приключилось?

Октавио

Юлия ушла.
В монастыре ее не оказалось.

Курсио

Скажи мне, разве мысль сама могла
Изобрести подобное терзанье?
Себе представить даже я не мог,
Чтоб за одним несчастьем другое
Так ниспослал мне беспощадный

рок.

Октавио, вот этот труп остывший
Мой сын. Теперь ты можешь сам

решить,

Не мог ли из ударов этих каждый
Над жизнью смертный приговор

свершить.

Терпенья дай мне небо, или жизни
Меня лиши, - в ней слишком много

мук.

СЦЕНА 14-я

Хиль, Тирсо, крестьяне. - Те же.

Хиль

Сеньор...

Курсио

Еще несчастье?

Хиль

Разбежавшись,

желают,

Разбойники соединились вдруг,
Спешат сюда, схватить тебя

Какой-то демон служит им вождем,
От них самих свое лицо скрывает.

Курсио

В печальном злополучии моем
Так возросли души моей страданья,
Что мне услада - новая беда.
Возьмите это горестное тело,
Чтоб сохранить до времени, когда
Остывший прах его найдет могилу.

Тирсо

он

Ты хочешь, чтоб в святой ограде
Нашел себе могилу между верных?
Забыл, что он от церкви отлучен?

Брас

скал.

Такою смертью ежели кто умер,
Пусть гроб найдет он между этих

Курсио

низких!

О, мстительность людей по крови

сковал,

Ваш гнев настолько душу вам

смерти

Что он предел последний самой

Готов без колебанья перейти?
(Уходит, рыдая.)

Брас

свирепых

Пусть в хищных птицах и зверях

Могильщиков сумеет он найти.

Другой

Чтобы достойно кару увеличить,
В ущелье сошвырнем его скорей.

Тирсо

Давайте лучше кое-как схороним
Усопшего в траве между ветвей.
(Кладут между ветвей тело Эусебио.)
Уж ночь идет, закрыта в мрачный

саван;

посторожи

Ты, Хиль, останься здесь,

Покойника; а коль придут бандиты,
Ты криком нам об этом расскажи.
(Уходят.)

Хиль

Недурно. Эусебио спокойно
Они в траве меж веток погребли,
Меня к нему приставили как стража
И бросили в горах, и все ушли.
Почтенный Эусебио, припомни,
Тебе я другом был в те дни,

когда...

Но что это? Обман воображенья?
Или толпа людей идет сюда?

СЦЕНА 15-я

Альберто. - Хиль, Эусебио, мертвый.

Альберто

Теперь из Рима возвращаясь,
В безмолвии застывшей ночи,
Среди ущелий этих горных
Вторично заблудился я.
Здесь Эусебио от смерти
Освободил меня, и ныне,
Как думаю, его солдаты
Весьма мне могут угрожать.

Эусебио

Альберто!

Альберто

Чей дрожащий голос,
Чье еле слышное дыханье
Ко мне мое домчало имя
И зовом в слух ко мне вошло?

Эусебио

Альберто!

Альберто

Вот, я снова слышу,
Меня зовут, и полагаю,
Что этот зов идет отсюда;
Давай посмотрим.

Хиль

О, Творец!
То Эусебио взывает,
И страх мой всех страшнее

страхов.

Эусебио

Альберто!

Альберто

Зов раздался ближе,
О, голос, бьющийся в ветрах,
Меня по имени зовущий,
Ответь мне и скажи мне, кто ты?

Эусебио

Я Эусебио, Альберто;
Прошу тебя, приди сюда,
Где схоронен я между веток;
Приподними их, и не бойся.

Альберто

Я не боюсь.

Хиль

А мне так страшно.
(Альберто открывает его.)

Альберто

Разъяты ветви, ты открыт.
Скажи же мне, во имя Бога,
Чего ты хочешь?

Эусебио

И во имя
Его, Альберто, я взывал,
Моя к тебе взывала вера,
Чтоб пред тем, как умереть мне,
Ты исповедь мою услышал.
С минуте как уж умер я;
И дух от тела был свободен,
Но роковой удар, смертельный,
Обычность действий их нарушил,
Но их еще не разделил.

(Поднимается.)

Иди со мной, чтоб мог; Альберто,
Тебе я все грехи поведать,
Их больше, чем песчинок в море,
Пылинок в солнечных лучах.
Так много значит поклоненье
Кресту - для умягченья неба.

Альберто

Итак, тебе все покаянья,
Что совершил я до сих пор,
Я отдаю, чтобы служили
Они твоей вине защитой,
Хотя немного.
(Эусебио и Альберто уходят.)

Хиль

Помереть мне
На месте - он ведь сам идет.
И, чтоб его яснее видеть,
На небе показалось солнце,
Свои лучи распростирает.

Пойду и всех оповещу.

СЦЕНА 16-я

Юлия, несколько бандитов;
потом Курсио и крестьяне. - Хиль.

Юлия

Теперь, победу одержавши,
Они беспечно погрузились
В объятья сна, и этим самым
Нас к нападению зовут.

Один

Когда ты хочешь захватить их
Врасплох - вот здесь всего

удобней;

Они сюда идут толпою.
(Выходят Курсио и крестьяне.)

Курсио

Да, явно, что бессмертен я:
Среди убийственных несчастий
Печаль меня не убивает.

Хиль

Со всех сторон толпятся люди;
Так пусть теперь узнают все
Событие, из всех чудесных
Наичудеснейшее в мире.
Оттуда, где похоронен был
Меж веток Эусебио,
Он встал и, громко призывая
Священника, пошел. Но что же
Рассказывать о том я буду,
Что каждый может увидеть?
Вон там, коленопреклоненный,
Он молится.

Курсио

Мой сын! О, Боже!
Какие чудеса мы видим?

Юлия

Кто больше чудо видеть мог?

Курсио

И только что благой тот старец,
Во отпущенье прегрешений,
Святой обряд свершил, вторично
К его ногам он мертвый пал.

СЦЕНА 17-я

Альберто. - Те же.

Альберто

Среди величий столь обширных
Пусть мир преклонится пред

ДИВНЫМ,

Пред самым наибольшим чудом,
Которое я возвещу.
Как Эусебио скончался,
С соизволения неба, в теле
Замедлил дух его, покуда
Не исповедал он грехи;
Так много значит преклоненье
Перед Крестом - в решеньях Бога.

Курсио

О, милый сын мой, сын родимый!
Нет, не несчастен тот, кто мог
Такое заслужить блаженство
В трагической своей кончине.
Когда бы Юлия умела
Так искупить свои грехи!

Юлия

Отец небесный! Что я слышу?
Какое чудо предо мною?
Я Эусебио искала,
Я Эусебио сестра?
Пусть знает Курсио, отец мой,
Пусть знает мир и все пусть знают

О прегрешениях тяжелых,
Свершенных мною: я сама,
Такому ужасу подвластна,
Во всеуслышанье об этом
Провозглашу: пусть все узнают,
Кто только в этот миг живет:
Я – Юлия! в числе позорном
Дурных – я худшая из худших.
У всех в виду был грех мой явный,
И буду каяться при всех;
Проя смиренно снисхожденья
И умоляя о прощеньи
У мира – за пример постыдный,
У Бога – за дурную жизнь.

Курсио

Нагроможденность злодеяний!
Своею собственной рукою
Тебя убью, дабы жестокой
И смерть твоя была, как жизнь.

Юлия

О, Крест святой, будь мне
защитой!

Тебе даю я обещанье
По возвращении в обитель
Покаяться в своем грехе.
(Курсио хочет ударить ее шпагой,
она обнимает Крест, находящийся
на могиле Эусебио, и исчезает.)

Альберто

О, чудо!

Курсио

И пред этим чудом
Благоговеньем проникаясь,
Счастливым автор завершает
Здесь Поклонение Кресту.

^ТПРИМЕЧАНИЯ^U

^ТОВОСНОВАНИЕ ТЕКСТА^U

Как ни значительны цели, стоящие перед данным изданием, оно, разумеется, не является "критическим". Такая задача по отношению к драме испанского Золотого века (XVI-XVII вв.) медленно, десятилетиями решается и на языке оригинала, несмотря на беспрецедентную (в сравнении, например, с Англией или Францией) сохранность рукописей XVII в., даже автографов.

Задача критического издания текстов К. Д. Бальмонта тоже не дело ближайшего будущего. Применительно к переводам драм Кальдерона мы пользовались лишь одним "окончательным" текстом, более обработанным, когда речь идет о шести напечатанных самим Бальмонтом пьесах, и менее завершенным в четырех новооткрытых в машинописи 1919 г. пьесах, печатающихся в этой книге в переводе Бальмонта впервые.

Выше в статье отмечалось значение двойных литературных памятников - таких, в которых важна не только художественная ценность оригинала, но ценность вклада переводчика в русскую культуру. Приведены также сведения по истории текстов перевода Бальмонта, открытия машинописи утраченных четырех пьес: "Дама Привидение,", "Луис Перес Галисиец", "Волшебный маг" и "Саламейский алькальд".

Нужно лишь еще раз повторить, что, по мнению издателей, бальмонтские переводы Кальдерона - явление удивительное. Они доказывают осуществимость сочетания максимальной точности (их можно рекомендовать как для занятий по совершенствованию знания испанского языка, так и по проблеме русских лексических и синтаксических эквивалентов стилизованной речи Кальдерона) с высокой поэтичностью .

Пьесы расположены в хронологическом порядке.

В тексте Бальмонта исправлялись лишь явные опечатки и описки.

Написание иностранных имен собственных у Бальмонта сохранялось, но в некоторых случаях, где оно орфографически отличается от современной передачи вследствие известной общей эволюции принятых норм по сравнению с началом XX в., приводилось (с соответствующей оговоркой) к современной норме. Наиболее частое изменение – это сужение употребления "э" (особенно в дифтонгах) или приведение в соответствие с преобладающей современной традицией написания "у" или "ю" после испанского "ль", не соответствующего ни мягкому, ни твердому русскому "л". Например: вместо дон Гутиэрре у Бальмонта – дон Гутиерре, вместо дон Люис у Бальмонта – дон Луис.

Не воспроизводится также спорная идея Бальмонта обозначать перенос ударения в имени Патрик (по-русски обычно на первом слоге) на "и", в соответствии с испанским (восходящим к латинскому) эквивалентом "Патрисио", путем написания сдвоенного "к" – "Патрикк". Мы пишем просто "Патрик", напоминая, что у Бальмонта всюду ударение на втором слоге: "Патрик".

Не привилась по-русски и употреблявшаяся Бальмонтом (воспроизведенная Сабашниковыми) новоиспанская традиция ставить в начале вопросительных и восклицательных предложений соответствующие знаки в перевернутом виде. В рукописях и изданиях кальдероновских времен она не соблюдалась.

Бальмонт переводил, естественно, по изданиям XIX в., в которые, в отличие от изданий XVII в. и в большинстве случаев более точно следующих им изданий

XX в., вводилось деление трех действий (по-испански – "хорнад", "дней") на сцены ("явления"). Такое деление, ставшее в некотором роде международной нормой издания европейских драм, мы сохраняем. Этим достигается большая

полнота воспроизведения перевода таким, каким его видел и слышал сам Бальмонт, а кроме того, обеспечиваются удобства при чтении и постановке, а также при пользовании примечаниями.

В Дополнения включены целиком или с отмеченными сокращениями статьи, которые К. Д. Бальмонт предпосылал своим переводам.

В случае, если в примечаниях используются примечания Бальмонта, они отмечены в скобках инициалами К. Б., а где эти примечания положены в основу измененного или сокращенного текста, то пометой в скобках: по К. Б.

Печатные источники для воспроизведения перевода Бальмонта: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. I-III. 1900, 1902, 1912; для рукописей: ГВИЛ. Отдел Рукописей. Архив К. Д. Бальмонта. Картон Э 10. Ф 261.14 (5-8).

Помещаемый в Дополнении перевод драмы "Жизнь есть сон" известного ученого-испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872-1925) воспроизведен по редкому малотиражному оттиску: Кальдерон Педро. Жизнь есть сон / Пер. Д. К. Петрова. СПб., 1898. Орфография, пунктуация, написание имен сохраняются. Сохранены также и примечания Д. К. Петрова. Надо напомнить, что они написаны в период, когда понятие барокко еще не применялось к литературе и специфика эстетики барокко Кальдерона не была уяснена.

К нашему изданию приложены с соответствующим введением материалы по библиографии русских переводов Кальдерона Г. А. Когана.

Подготовка настоящего издания проходила в известном согласовании с подготовкой книги: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова (Вып. II). Кальдерон и мировая культура XVII в. Отв. ред. академик Г. В. Степанов (1919-1986); выпуск подготовлен Н. И. Балашовым и В. Е. Багно (Л.: Наука, 1986).

Напомним, что, помимо издания отдельных пьес, в СССР были напечатаны два издания сочинений Кальдерона: Педро Кальдерон. Пьесы. Т. I-II /Сост., вступит, статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. переводов Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961; а также: Кальдерон де ла Барка Педро. Избранные пьесы (на испанском языке), с аппаратом на русском языке: статья С. И. Ереминой, подробный комментарий, включающий библиографию А. С. Науменко. М.: Прогресс, 1981.

Основное испанское издание, по которому сверялся текст и на которое даны ссылки в статьях: Calderbn de la Barka, don Pedro. Obras completas. Vols I-III por A. Valbuena Briones. Madrid / Ed. Aguilar (t. I - 1966; t. II - 1959; t. IIII - 1967).

Настоящее издание осуществляется в двух книгах. В первой помещены шесть драм Кальдерона, в Приложении статья Н. И. Балашова и примечания к шести драмам.

Во второй книге четыре драмы Кальдерона в переводе Бальмонта, в Дополнениях - драма "Жизнь есть сон" в переводе Д. К. Петрова, предисловия Бальмонта к сочинениям Кальдерона. Приложения ко второй книге включают статьи Д. Г. Макогоненко и Г. А. Когана, а также примечания к публикуемым во второй книге драмам.

Н. И. Балашов

ПОКЛОНЕНИЕ КРЕСТУ

(La Devocion de la Cruz)

Точная дата написания драмы неизвестна. Примерная датировка 1630-1632

гг. Впервые напечатана в 1634 г.

Подробно об антиконтрреформационном характере драмы см. в статье Н. И.

Балашова, наст, изд., кн. 1.

Хорнада I

1 Уж эти мне твои рассказы, / / Не пожелаю я врагу.

- В оригинале: "Que

nunca valen dos cuartos tus cuentos". Кwarto

("четвертушка") - самая мелкая

медная монета в Испании. Ср. русскую поговорку: Гроша

ломаного не стоит.

2 К губам ручонки прижимая, // Из них, образовавши
Крест. - Испанцы

изображают крест, положив большой палец поперек
указательного.

3 Тот день был праздником Креста. - Праздник
Креста отмечается в
католических странах 3 мая.

4 Но благородному по крови / / Не нужно ясно

убеждаться, // Достаточно

воображать. - Основной пункт испанской ревности,

столь отличной от

английской, как она выражена у Шекспира. Кальдерон

подробно развил этот

взгляд в четырех драмах: "Врач своей чести", "За тайное
оскорбление тайная

месть", "Художник своего бесчестья" и "Величайшее

чудовище ревность" (К.

Б.).

Чтобы, не зная, что цвет гвоздики... - Во времена
Кальдерона гвоздика

была таким же модным цветком, как в наши дни орхидея.

Она и до сих пор

осталась любимым цветком испанок, в чем легко убедится,
проходя по улицам

Севиля или слушая народные песни. Привожу три песни
из превосходного

собрания Франсиско Родригеса Марина:

1.

Красная, красивая гвоздика,

Сорванная с каплями росы, -
Эти раскрасневшиеся губы
Не твои, теперь они мои.

2.

Ты для меня - мой отдых,
Ты для меня - наслажденье,
Ты - аромат гвоздики,
Все, в чем мои владенья.

3.

Приблизился месяц к заходу,
От кровель спускаются тени.
О, как мне расстаться с

блаженством

Гвоздик позлащенных твоих! (К.

Б.).

Хорнада II

1 Личность была не обеспечена в правосудии при господствовавших в старой Испании порядках. Личный самосуд был явлением распространенным, и разбойничество являлось нередко неизбежностью для тех, кто и не имел к этому особого расположения. Эта бытовая черта превосходно выражена Аларконом в драме "Сеговийский ткач" и Кальдероном в драме "Луис Перес Галисиец" (по К. Б.).

2 Святой Себастиан, привязанный к дереву и пронзенный стрелами, - один из самых распространенных сюжетов, тысячу раз повторявшийся в итальянской и испанской живописи (К. Б.).

3 Что Перальвильо - здесь как раз. - Перальвильо - местечко близ Сиудад-Родриго, где "Святое Братство" инквизиции вешало преступников, захваченных на месте преступления (по К. Б.).

4 Или святоша - умоляя, // Чтобы на церковь дали ей... - По-испански santera - это женщина, собирающая для святого какой-нибудь пустыни. Она ходит по окрестностям, неся образ святого, который подносит для поклонения и просит на содержание пустыни подношение.

5 Я страх? - отличительная черта испанского характера - безрассудная смелость. Ср. в драме Тирсо де Молины "Севильский озорник, или Каменный гость", Дон Хуан восклицает "Yo temor?" (acto III, esc. 21) (К. Б.).

Хорнада III

1 Давай разбойничать... - В оригинале вместо bandeiros (разбойники) Хиль говорит bunderos - продавцы оладий.

2 Когда мы мстим за честь, отмщенье // Тогда лишь верно... // Коль оскорбитель будет знать, // Кем он караем. - Любопытно сопоставить с этим слова Эдгара По: "Оскорбление не отомщено, если мститель не дает знать, что это он мстит тому, кто нанес оскорбление" ("Бочка Амонтильядо"). Рассказ Юлии на следующих трех страницах может показаться непредуведомленному читателю нагромождением вопиющих неправдоподобностей. См., однако, в кн. Д. К. Петрова (с. 90): "В иезуитской переписке читаем мы об одной весьма мужественной девушке, которая с отцом и с матерью храбро защищалась от разбойников, напавших на их дом. Другая женщина отправилась однажды из каталонского местечка Сальсас в Перпиньян. По дороге на нее напал какой-то солдат, ехавший верхом на лошади. Защищаясь, она выхватила у него кинжал и нанесла ему смертельную рану. Потом она сняла с него оружие, надела на себя и в таком виде приехала в Перпиньян" (Memorial Historico Espanul. T. XVI. P. 268; T. XV. P. 293) (по К. Б.).

3 Один я больше убиваю, // Чем летний зной и лекарь
вместе. - Знойный
воздух испанского лета способствует повальным
заболеваниям. Что касается
испанских врачей, они всегда своим невежеством давали
повод испанским поэтам
к остроумным выходкам. Наиболее метки насмешки
всегда остроумного и
наблюдательного Тирсо де Молины, например, в его
знаменитой комедии "Дон
Хиль Зеленые штаны", где врач лечит целую улицу с помощью
четырех афоризмов,
двух текстов и трех силлогизмов (I, 2) (по К. Б.), 1 По
понятиям Кальдерона,
голос крови не может не говорить, в особенности когда
речь идет об отце и
сыне. На эту тему у него есть сцены в разных драмах,
например: "В этой жизни
все - истина и все ложь", "Жизнь есть сон" (по К. Б.).

Д. Г. Макогоненко